

Потерявшие солнце

Автор:

Максим Есаулов

Потерявшие солнце

Максим Есаулов

Любимый детектив

Участвуя в задержании преступника, опер Антон Челышев был тяжело ранен, а двое его коллег погибли. Убийства приписали уголовнику, вскоре погибшему в перестрелке, и дело закрыли. Спустя несколько лет Антон, выезжая в адрес, наталкивается на человека, в котором узнает того убийцу. На этот раз он не собирается его упускать и начинает охоту. Но киллер – профессионал экстра-класса. И никто не знает, чем закончится эта дуэль... Один из первых романов в прошлом опытнейшего сыщика, а ныне известного автора и киносценариста Максима Есаулова (экранизирован в 2005 году, режиссер Вячеслав Сорокин, в главных ролях: Александр Домогаров, Андрей Смоляков, Мария Порошина).

Максим Есаулов

Потерявшие солнце

Посвящается Баке

Выражаю благодарность Николаю Бизину,

участвовавшему в выработке идеи этой книги

– Валико! А если твой вертолет

и большой самолет цепью связать?

Кто победит?

– Цепь!

Из фильма «Мимино»

Внизу, в дежурке, кто-то нажал кнопку громкой связи. Некоторое время он собирался с мыслями, и казалось, что за дверью, в темноте коридора, дышит большое, грузное животное. Затем искаженный динамиками голос дежурного вспорол сырую тишину: «Дежурный оперуполномоченный, спуститься в дежурную часть! Повторяю, дежурный оперуполномоченный...»

Антон резко открыл глаза и рывком сел. Ныла спина: несмотря на подстеленную куртку, стулья оставались неимоверно жесткими. Он посмотрел на часы: четверть второго. Всего сорок минут похожего на бред сна. Еле-еле тлел рефлектор. От окна тянуло ноябрьской ночью.

«Дежурный оперуполномоченный, срочно...»

Антон снял трубку и набрал номер.

– Михалыч, чего, телефона, что ли, нет? Ты меня так заикой сделаешь. Что у вас там?..

– Челышев! Ты давай спускайся, а не разговаривай! – ревела трубка. Дежурный по отделению подполковник Шалыгин тихо разговаривать не умел. – У нас труп на Фонтанке, одиннадцать. Главк уже выехал!!! Давай, машина ждет!

– Иду! – Антон выдернул из розетки рефлектор, взял папку с бумагами и вышел в пустой темный коридор.

Подходя к лестнице, он вытащил папиросу и прикурил. Горький, колющий дым потек в легкие, унося последние обрывки бреда. «Опять так нудно ломит затылок. Что же я видел во сне? Не помню... Неужели снова... К черту!»

* * *

На въезде во двор уазик подбросило, и Антону на секунду показалось, что фары уперлись в черное питерское небо. Машина взревела и остановилась у низкой кривой двери. «Черный ход», – автоматически отметил он, вылезая под непрерывно идущий мокрый снег. Уазик со скрипом тронулся и начал разворачиваться в сторону выезда. У дальней стены угадывался микроавтобус с красным крестом. «Из главка просто море народу», – подумал Антон и толкнул дверь. На лестнице было непроглядно темно. Дверь за спиной захлопнулась. Пахло затхлостью, мочой, потом и блевотиной. Где-то наверху слышались какая-то возня и приглушенные голоса. Он осторожно нащупал перила и начал подниматься, проклиная себя за то, что снова не купил с зарплаты фонарик. Перспектива прыгать вокруг трупа с зажигалкой не радовала. На третьем этаже в грудь внезапно уперся луч света.

– Вот и розыск проснулся. – У участкового Шестобок лицо было довольным и жизнерадостным, граммов этак на сто пятьдесят. – Чего тебя-то подняли?

Антон пожал плечами:

– Спроси Шалыгина. А что, не криминал?

– Аб-абсолютный не криминал, – рыгнул Шестобок и посветил фонариком вверх по лестнице.

«Двести», – заключил Антон и посмотрел вслед за лучом.

Полуголый мужик лежал посреди следующего пролета. Рядом валялись грязная куртка-варенка и еще какие-то шмотки. Худой, сутулый врач в несвежем халате меланхолично курил, прислонившись к перилам, второй, похожий на молодого боксера, крутил в своих ладонях голову мужика, настойчиво твердя: «Зовут тебя как? А? Как зовут?»

Неожиданно в груди у «трупа» что-то булькнуло, и сдавленный голос просипел:

– Вова.

Антон раздраженно выругался:

– Пьяный?

– Скорее вколол себе что-то не то. – «Боксер» оставил в покое голову мужика. – Вон шприц валяется, жгут под батареей, а алкоголем от него не пахнет. – Он еще раз наклонился. – Не, не пахнет.

– В трезвак, значит, не возьмут! – резонно заметил Шестобок. – В «аквариум» тоже; нельзя: вдруг помрет. Значит, в больницу. У него же отравление? Правильно?

«Сутулый» выбросил сигарету и посмотрел на своего молодого напарника с плохоскрываемым раздражением. Везти грязного наркомана в больницу ему явно не хотелось.

– Вещи его мы забирать не будем, – сказал он наконец неприятно высоким голосом, – там, в сумке, ценности какие-то, по вашей части. Мне за них отвечать на хрен не надо.

«Боксер» тем временем подхватил мужика под мышки и, не церемонясь, поволок вниз по лестнице. «Сутулый» наклонился, поднял куртку, демонстративно вывернул все карманы и молча двинулся вслед за ним.

– Ур-р-роды, блин! – прогудел Шестобок негромко, отклеиваясь от перил. – Я тебе еще нужен?

Антон молча покачал головой и подошел к закопченному окну. Снег перешел в дождь, тонкие струи которого черными штрихами извивались на фоне единственного окна, горящего на противоположной стороне двора.

– Ну я тогда пошел, а то у меня еще заявки там, еще... – Шестобок махнул рукой. – Счастливо оставаться, не перетруждайся.

«Ага, сейчас, целая бочка заявок, – подумал Антон, – точнее, полная бутылка заявок». А вслух сказал:

– Бывай.

От поиска понятых в третьем часу ночи для осмотра сумки и изъятия пустого шприца он отказался сразу и безоговорочно. Для этой цели существовал «Твикс» – парочка бомжей, живших на чердаке РУВД за мытье полов и освобождение кабинетов от пустой посуды, которые за бутылку пива готовы были подписать признание в убийстве Кеннеди. «Ценностями», по выражению сутулого врача, были находившиеся в сумке две пары дешевых серег, разорванная серебряная цепочка с кулоном и обручальное кольцо. Видимо, любитель кайфа промышлял гоп-стопом, скорее всего, беззаявочным. Документов в сумке не было, зато имелся супербестселлер про Бесноватого, зачитанный до дыр. Осмотр занял не более пятнадцати минут. Антон закинул сумку с изъятим имуществом на плечо и, закуривая, прикинул, что лучше – ломиться в какую-нибудь квартиру с просьбой позвонить или идти пешком, что равносильно форсированию Фонтанки вплавь. Опять тупо заныл затылок.

Замок лязгнул так неожиданно, что он выронил изо рта папиросу. На площадке пролетом ниже появилась ленточка света, которая превратилась в прямоугольник, в нем возник женский силуэт в бордовом халате. Вспыхнул огонек зажигалки. Антон кашлянул предупредительно и медленно стал спускаться. Против его ожидания женщина не испугалась, а, не меняя позы, встретила его долгим взглядом прищуренных глаз. Ей было около сорока, у нее были длинная красивая шея и пышные, собранные в «конский хвост» темные волосы.

– Его увезли? – спросила она мягким голосом, затягиваясь сигаретой.

– Да. А это вы вызывали? – догадался Антон. Она кивнула. – Он жив. Просто наркоман.

– А я так испугалась. Вышла покурить, а он лежит. – Ее сигарета догорела почти до фильтра. – У меня соседка астматичка... а все равно не могу заставить себя не курить поздно. Страшно, но курить хочется.

– И часто вам не спится?

– А вам?

– Каждый раз, когда дежурю, – Антон поморщился от головной боли. – Можно от вас позвонить?

– Конечно, – она посторонилась, пропуская его, – и извините за глупые вопросы, просто книгу читала хорошую, вот и настроение такое.

Кухня, куда вела входная дверь, была чистой и аккуратной. Два холодильника, два пенала, два стола. Один – наполненный старушечьим духом: чугунный утюг, сковороды эпохи опричнины, банки с соленьями. Другой – покрытый розовой салфеткой, с искусственными тюльпанами в глиняной вазе. Початая бутылка ликера «Шартрез», рюмка на высокой ножке, у телефона книга Мопассана. Антон машинально бросил взгляд на вешалку на стене: никаких следов мужчины. Он набрал номер телефона дежурки.

– Михалыч, Челышев с Фонтанки. Я закончил, забирай меня отсюда. Нет, пешком не пойду: я с вещдоками. Да, два чемодана баксов, не пойду, боюсь, грохнут. Пришли тачку, отстегну. Понял, договорились!

– Меня Ира зовут. Может, чашку кофе, пока машина за вами не пришла? – Она, не дожидаясь ответа, поставила на плитку кофейник.

При свете Антон разглядел глубокие морщины у нее на шее, жировичок на виске и застиранные до белизны обшлага халата. «Чашка кофе, рюмка ликера, старая тахта со скрипом и киношными стонами, пустые слова. Ги де Мопассан, “Шартрез”, искусственные тюльпаны на розовой салфетке. “Меня Ира зовут”, сорокалетняя гимназистка. И одиночество, чужое одиночество. Нет, мне хватит своего».

– Спасибо. Простите, но машина уже, наверное, подошла.

На дворе снова лепил вслепую серый грязный снег, который таял, едва попадая на асфальт. Ветер остервенело рвал свисающие с крыши куски кровельного железа. Антон вышел на набережную и, подойдя к ограде, закурил в ожидании машины, до приезда которой оставалось еще не менее четверти часа.

* * *

Цыбин смотрел на воду. Ледяная зыбь Фонтанки холодком елозила под сердцем. Он не волновался. Он уже давно не волновался. Просто его тяготила осень. Хотелось тепла, синего неба, шуршащей на ветру листвы. И причем именно здесь: где-нибудь в Комарове или Зеленогорске, а не на каком-нибудь пляже Коста-Брава, заполненном бритоголовым быдлом из Тамбова, Рязани или Набережных Челнов. Он посмотрел на часы: Солитянский опаздывал на четыре минуты. Цыбин знал, что он придет, обязательно придет, так как боится его больше, наверное, самой смерти, но непунктуальность всегда раздражала. Поэтому, когда косолапая, сопящая, похожая на индюка фигура выбралась из-за деревьев Михайловского сада на набережную, он с трудом удержался от резкости: нагнетать обстановку явно не следовало.

– Они там... Все там... – У Солитянского мелко дрожали губы, а пальцы непрерывно теребили «молнию» на куртке.

Цыбин достал из портсигара тонкую черную сигарку и, вставив ее в мундштук, прикурил, закрываясь от снежного ветра полями шляпы.

– Будете курить?

Солитянский помотал головой.

– Перестаньте трястись. – Цыбин поднял воротник плаща и выпустил терпкое облако дыма. – Скоро все кончится. Как идет игра?

– Игра? – Солитянский удивленно посмотрел на него. – В общем, не крупно. Сначала Игорь Владимирович понемногу брал, затем Герберт попытался перехватить инициативу. Олег к этому времени фактически отпал... Да! И тут Герберт на мизере... – говоря о привычных вещах, он почти мгновенно успокоился.

«Так-то лучше, – думал Цыбин, пропуская его увлеченный рассказ мимо ушей, – а то ты у меня до квартиры не дойдешь – от сердца умрешь, а у дверей ты мне будешь нужен обязательно».

– Все. Пошли, – спокойно сказал он, щелчком выбивая сигарку из мундштука.

Солитянский послушно засеменял рядом, объясняя коренные ошибки в игре Герберта. Ветер, надрываясь, нес мокрые хлопья. На стоянке перед цирком одиноко стоял пустой «форд-скорпио», напротив тускло сияла вывеска гастронома. Никого.

На подходе к дому цепкий взгляд Цыбина выхватил одиноко курящего у ограды набережной мужчину в кожаной куртке-«косухе», с сумкой через плечо. Стоящий посреди ночи, под непрерывно падающим мокрым снегом человек ему сразу не понравился, но время не течет вспять. Он отчетливо понимал: другого такого случая не будет. Неожиданно заболела раненая нога. Он даже вздрогнул: так давно она его не беспокоила. Пройдя мимо мужчины, Цыбин осторожно оглянулся и... напоролся на его взгляд, устремленный им вслед. Иглой проткнула мозг мысль, что он где-то видел эти слегка раскосые глаза и тонкие губы, после чего Солитянский толкнул дверь парадной, и Цыбин запретил себе думать о чем-либо постороннем.

На лестнице ярко горел свет. На одном из верхних этажей, видно, было выбито окно, и утробный однотонный вой ветра заполнял все пространство. Дверь квартиры была обшарпанной, но крепкой, двустворчатой, из добротного старого дерева. Солитянский обернулся и как-то просительно посмотрел на Цыбина. Тот кивнул и мертво улыбнулся одним ртом. Мелодичный звонок прокатился по ночной лестнице. Две-три томительные минуты висела почти абсолютная тишина, даже стон ветра утих, затем по ту сторону брякнуло, зашуршало, и невыразительный голос без всякого интереса осведомился:

– Кто?

– Телохранитель Герберта, – еле слышно прошелестел Цыбину Солитянский, по его щеке ползла капля пота.

Цыбин приложил палец к губам, бесшумно переместился ему за спину и, присев на корточки, достал из-под плаща «смит-вессон», снабженный черной трубой глушителя.

– Это я, Иннокентий, – неестественно бодро заблеял Солитянский, – я за деньгами ходил. Полчаса как...

«Никогда бы не открыл на такой голос», – подумал Цыбин, но неизвестный бодигард был, видимо, другого мнения. Дверь скрипнула и подалась вовнутрь. В момент, когда проем почти полностью открылся, Цыбин из-под руки замершего, как соляной столб, Солитянского выстрелил загораживавшему коридор плечистому малому в горло. Металлический лязг затвора заглушил щелчок выстрела. Телохранитель всхрипнул, словно спящая лошадь, забулькал и медленно повалился навзничь.

Коридор за его спиной был пуст.

Солитянского трясло, зрачки у него закатились.

Цыбин впахнул его в квартиру и задвинул за собой засов. Где-то в глубине комнат угадывался негромкий разговор. Мозг работал на полную мощность в режиме компьютера.

Справа вход на кухню. Никого. Слева спальня дочерей хозяина. Они на каникулах в Египте. На повороте спальня. Хозяйка вместе с дочерьми. Белая арочная дверь с безвкусным витражом в виде валькирии – гостиная. Овальный ореховый стол должен стоять в дальнем конце чуть правее входа. Бар напротив слева у двери. Кто-то может стоять у бара.

У бара никто не стоял. Все сидели за столом с картами в руках. Цель посередине удивленно выпучила глаза, покручивая пшеничные прибалтийские усы. Цыбин дважды выстрелил прямо между этих удивленных серых глаз. Сидящий справа хозяин тонко вскрикнул и попытался встать. Цыбин шагнул вперед и выстрелил ему в висок. Обмякшее тело скользнуло обратно в кресло. Последний из игроков, тучный лысоватый мужчина в вязаном пуловере, икая, смотрел прямо перед собой. Глаза его подернулись пленкой: он находился в глубоком ступоре. Цыбин выстрелил ему в сердце. Быстро выскочив в коридор, проверил дальше по коридору туалет и ванную. Пусто. В воздухе висел сладкий запах пороха. Как всегда, безумно хотелось курить, но было еще рано. Солитянский сидел на стуле в коридоре. Ему было плохо.

– Сейф в спальне, – произнес он слабым голосом, – в платяном шкафу, а ключ у Олега на цепочке, ну, я говорил...

– Мне не нужен сейф, – Цыбин прислонился к стене напротив. – У меня были другие задачи.

– Какие задачи? – Солитянский поднял одуревшие мгновенно глаза. – Там семнадцатый век, вы понимаете, сколько...

– Солитянский! – Цыбин присел перед ним на корточки. – Вы понимаете... Я убираю всех, кто может меня опознать, – он вспомнил фразу из давным-давно увиденного фильма.

Солитянский шумно сглотнул, поблекшие глаза на секунду вспыхнули неопишным животным ужасом. Хищно-радостно чавкнул затвор. Стукнулась и покатила по паркету стреляная гильза. Цыбин убрал пистолет под плащ и пошел к двери. Неожиданно в голову пришла новая мысль. Он улыбнулся и быстрым шагом вернулся в гостиную.

Лицо хозяина было залито кровью, капли, стекая со щеки, с неумолимостью метронома глухо ударялись о паркет. Цыбин рванул у него на груди рубашку и сдернул с серебряной цепочки маленький круглый ключ.

В сейфе лежали ажурная золотая брошь с испанским гербом, массивный перстень с красным камнем, золотой браслет и еще какая-то золотая мелочь. Он сгреб все в карман и осторожно вышел из квартиры.

Дверь не захлопывалась, искать ключи не хотелось, хотя время, по-видимому, не подгоняло: во всем доме висела тишина. Цыбин плотно притворил створку и начал быстро подниматься по лестнице. Войдя на чердак, он прислушался. Ничего, кроме бормотанья ветра и тоскливого шелеста смешанного со снегом ноябрьского дождя.

«Главное, чтобы какой-нибудь бомж не попался», – подумал он и двинулся сквозь мутную затхлость к слабо бледневшему чердачному окну.

Крыша была ужасно скользкой от воды, ветер свирепел с каждой минутой. Держась ближе к коньку и внимательно наблюдая за темными окнами верхних этажей, Цыбин дошел до поворота двора и направился вглубь от Фонтанки. Далеко внизу одиноко пророкотал автомобиль, тявкнула собака. Заранее выбранное окошко было распахнуто. Чердак ничем не отличался от

предыдущего, только на лестнице не было света. Он вышел во двор, прошел под арку и очутился на углу Итальянской и Караванной. Перейдя Манежную площадь, нырнул в первый двор по Малой Садовой, отсоединил от пистолета затворный механизм и бросил в узкое подвальное окошко. Выйдя на улицу, проскочил в такой же «колодец» напротив, где, приподняв крышку канализационного люка, швырнул туда магазин с оставшимися двумя патронами, а все остальное засунул в ждущий завтрашнего вывоза полный мусорный бак. Глушитель еще на крыше он спустил в трубу давно потухшей кочегарки. Избавившись таким образом от наиболее тяготившего груза, Цыбин снова вышел на продуваемую Малую Садовую и, глубоко надвинув шляпу, налегая грудью на ветер, дошел до Невского. Было по-прежнему холодно и пустынно. Ненастная ночь не располагала к романтическим прогулкам. Пройдя Каткиным садом и через улицу Росси, он снова вышел к Фонтанке и перешел на другую сторону. Остановившись на углу Ломоносова, дождался, когда в округе не стало видно машин, достал из кармана золото и медленно, предмет за предметом, кинул в черную воду.

«Соляной готов был ради него на все и многие другие, наверное, тоже, а я уничтожаю своими руками, – подумал он. – В этом даже есть что-то театральное. Впрочем, это просто издержки профессии – ради безопасности довольствоваться меньшим, пренебрегая большим. Первое отступление от правил может оказаться последним».

По мере приближения утра слегка потеплело. Снежные хлопья почти исчезли. Хлестал лишь жесткий холодный дождь. У Пяти углов Цыбин остановил грязную «девятку» с двумя молодыми парнями.

– На Стачек, угол с Ленинским.

– Девятка.

В машине вовсю кочегарила печка. Мурлыкало радио. Парни трепались о своем. Наконец потянуло в сон. Один за другим он расслаблял мускулы. Метались обрывки мыслей: «Где же он видел этого парня с набережной? Эти знакомые раскосые глаза». Память никогда не подводила.

«Плейбой, просто герой, одет как денди...»

«Надо вспомнить. Это может быть важно».

– Я ей говорю: давай бери! А она: «За такие предложения у нас в Армавире...»
Дура!

«Где же? Вспоминай!»

От Стачек до Ветеранов Цыбин шел пешком. У метро остановил такси, доехал до Волковки. Старый двухэтажный дом встретил привычным скрипом деревянных ступеней и густым кошачьим запахом. В квартире он с трудом поборол желание лечь. Усталость и напряжение брали свое даже у него. Снял плащ, шляпу, брюки и ботинки, связал все в узел. Бросил туда же перчатки и, немного подумав, свитер. Надел джинсы и кожаную куртку. Выйдя на улицу, прошел между слепыми мокрыми домами почти до Карбюраторного завода. У расселенного дома бросил куль в пустой бачок, облил бензином из специально захваченной бутылки, чиркнул спичкой и слегка придвинул крышку, чтобы не залило дождем. Огонь весело запылал, обдавая лицо непередаваемо приятным жаром. Было хорошо просто стоять и смотреть на него.

Дома Цыбин почувствовал, что сил принимать душ у него нет. Выпил стакан сока, разделся и лег в постель.

«И все-таки я вспомню».

Его плавно качало на волнах сна.

«Вспомню...»

* * *

Двое приближались со стороны цирка, едва различимые сквозь пляску серого снега в мертвенно-белом свете уличных фонарей. Антона внезапно охватило вязкое беспокойство. Словно маленькая сороконожка пробежала вдоль позвоночника, оставляя за собой крупные холодные мурашки. Глядя на бредущие гуськом в борьбе с ветром фигуры, он силился понять, откуда взялись колющие изнутри иголочки. Горячим ручейком от позвоночника через шею и затылок к вискам потекла снова ноющая боль. Идущий первым мужчина вошел в

нервно дергающийся пучок света, и Антон узнал его – Кеша Солитянский по кличке Фуня, карточный игрок, шулер мелкого пошиба из бывших завсегдатаев «Галеры» и ресторана «Север». Невозможно спутать его развалистую индюшачью походку.

«К Олегу Каретникову в пятнадцатый дом игрока ведет, – подумал он, пытаюсь не закрывать сдавливаемые головной болью глаза. – А была информашка, что у Каретникова ствол есть... Надо бы под очередной рейд...»

Высокий в плаще и шляпе неожиданно начал слегка прихрамывать, еще более сгорбился навстречу ветру и надвинул шляпу глубже. Боль победила. Антон закрыл глаза и, погрузившись в темноту, ловил лицом осеннюю изморось. Где-то он видел эту вбитую в плащ жилистую фигуру. Нужно открыть глаза и посмотреть еще раз. Может быть, тогда... Глаза не открывались. Им было хорошо. Они бастовали. В темноте боль отступала, видимо, тоже боялась темноты.

«Ну только на секунду, – уговаривал себя Антон, – на одну секунду...»

Высокий смотрел прямо на него. Не на небо. Не на дорогу в поисках попутных машин. На него и только на него. Антон физически почувствовал, как в десятке метров чужой жесткий ум работает над тем же вопросом, который он только что задавал себе. Он моргнул. Доли секунды. Все исчезло. Только стена мокрого снега. Только блеск воды на асфальте.

Папироса никак не зажигалась. Ветер моментально душил слабый огонек спички. В голове все усиливалась барабанная дробь.

«Где же мы встречались? Это треугольное заостренное внизу лицо... Легкий наклон головы... Плащ, туго перетянутый поясом...»

Антон оглянулся. Темная лента противоположной набережной была абсолютно пуста. С трудом проглядывали очертания мостика Белинского и церкви на углу с Моховой.

«Михалыч совсем охренел с машиной. Что я ему, мальчик, что ли? – Он медленно направился в сторону цирка. – Пешком, впрочем, давно уже в кабинете был бы... И такая запоминающаяся привычка: разворачиваясь, вжимать голову в плечи...»

Может, кто-то из задержанных...»

Табак наконец вспыхнул, и горячая волна залила все тело. Антон даже остановился на мосту, с наслаждением затягиваясь. Снег почти перешел в дождь. Вся Фонтанка была покрыта рябью.

Папироса, описав дугу, полетела в воду. Мимо, разбрызгивая волны грязи, пронеслось такси.

«Б... чуть не искупал, козел хромоногий. Хромоногий... Как неожиданно захромал высокий. Наклон головы... Поднятые плечи... Повернулся и захромал... Повернулся и захромал... Захромал... Спина в плаще... Высокий, худой, костлявый, как смерть... КАК СМЕРТЬ... СМЕРТЬ... Не может быть!!!»

Мостовая встала на дыбы и ударила его в грудь. Стало тяжело дышать. Светящийся квадрат окна в угловом доме завертелся и, пробив черное небо, превратился в звезду. Исчезло все: ночь, осень, дождь, вой ветра. Стало тихо. Тихо, как тогда. Тем утром. Июльским утром.

«Здравствуй, july morning. Господи, как болит голова».

* * *

Мостовая сияла и переливалась. Поливальные машины только что закончили свою работу.

В воздухе рассыпался запах утренней свежести, лета и чистого пронзительного воздуха. Даже в резких нетерпеливых звонках трамваев и автомобильных гудках слышались блюзовые нотки.

«Удивительно, до чего “Хип” точно ухватил в своей песне ощущение нежности настоящего июльского утра, – думал Антон, глядя на проносящуюся за окном “шестерки” Неву. – Сегодня так здорово дышится, что даже курить не тянет. В машине трое курящих, а никто еще сигареты не доставал».

Машина выскочила на Дворцовый мост. Справа и слева золотом заиграла на солнце невяская вода. Шпиль Петропавловки, казалось, парит в розовато-голубой

дымке.

– Вот так живешь в городе, носишься как угорелый, видишь все это, а иногда взглянешь – и как впервые. – Кленов повернулся с переднего сиденья. – А я, Антоша, должен такие виды на лету схватывать, у меня до «полиции» все же пять лет «Мухинки».

– Плюнь ему в лицо, Тоха, – Дима Лукин улыбнулся, не отрывая взгляда от дороги, – видел я его «высокохудожественную работу», дипломную. Называется «Мать хлеба», хотя я называю ее «Полет колхозницы вокруг сарая за секунду до протрезвления». Знаешь, там на фоне полей такая здоровенная бабища...

– Если бы ты что-нибудь понимал в страданиях гонимого художника, я бы с тобой поспорил, сам-то небось кропал в своей газете вирши во славу героев труда и в ус не дул. – Рома Кленов вяло махнул рукой. – Не выгнали бы, был бы сейчас, как Лев Скунский: кто платит, того и лижем.

Лукин снова улыбнулся и молча показал Кленову кулак.

«Пожалуй, то, что нашу группу называют “гитарно-балалаечной”, не лишено здравого смысла, – подумал Антон. – Выпускник “Мухи”, выпускник журфака и выпускник “консервов”. Еще танцора не хватает. Хотя, наверное, именно поэтому с Димкой и Романом мне гораздо проще, чем с ребятами, выросшими из постовых и закончившими “стрелку”. Мы похожие. Мы работаем ради интереса. Романтики... блин».

– Давай по Гаванской, на Наличной асфальт кладут. – Кленов сделал жест рукой вправо. – Антон, ты сам адрес смотрел?

– Да. Квартира съемная, однокомнатная, окна на залив. Дверь бронетанковая, но еще запирается весь этаж. В тридцать восьмой живет женщина с сыном. Он студент, днем учится, а она должна быть дома.

– Короче, через нее пойдем, – Роман кивнул. – Согласен, Дим?

Лукин улыбнулся и тоже кивнул.

– Приехали, – сказал Антон.

Дом стоял справа от гостиницы «Прибалтийская». Пространство перед ним было заполнено дорогими автомобилями, что говорило об уровне жизни жильцов. На дорожке две девочки, лет по восемь, играли в «классики». Антон даже опешил на мгновение. Ему казалось, что эта игра, как и многие другие, ушла в прошлое, уступая место «Денди», «Тамагочи» и другим новинкам эпохи русского капитализма.

– А почему собров не взяли? – спросил вдруг Лукин. – «Федералка» все-таки.

– Для журналистов повторяю, – Кленов вылез из машины, разминая спину, – розыск по мошенничеству: господин Кардава Тенгиз Георгиевич 1935 года выпуска, соответственно, ровненько шестьдесят лет, страдает острым ревматизмом, что его и сгубило: через врача он и прокололся. Короче, это не киллер и даже не «бычок». Собр пукнет, он умрет, а мы будем до конца жизни отписываться, как он бросался на нас с ножом. В общем, берем тихо, интеллигентно, Антоха реализует информуху, мы рубим «палку», все довольны, все смеются, и я ухожу наконец в отпуск.

– А Кардава? Он тоже смеется? – улыбнулся Лукин, открывая дверь парадной. – Узнает шеф, что мы без СОБРа, без «броников», крику будет.

– Победителей не судят. – Кленов нажал кнопку вызова лифта. – А вообще, чего ты дергаешься? Вон наш старшой стоит, молчит, он по башке и получит. Верно, Тоха?

Несмотря на качество дома, лифт был демократичным и истинно народным, о чем красноречиво говорили надписи на «великом и могучем».

Антон почему-то вспомнил, как он пришел устраиваться в уголовный розыск. Маленькое РУВД недалеко от Литейного, 4, знойный август девяносто второго. Наполненные пылью и запахом краски коридоры. Сухой, рыжеватый начальник управления сказал, что уголовный розыск – тяжелая штука, но люди уважают, и направил к начальнику ОУР. У того шло утреннее совещание, которое, по непонятному обыкновению, как узнал Антон впоследствии, именовалось блатным словом «сходка». Ожидая в маленьком закутке с прикрученной к полу скамьей, он изучал испещренную надписями стену. Основные образцы

«наскальной живописи» не отличались оригинальностью: «менты – козлы», «хорош тот мент, на котором снег не тает» и т. д. Неожиданно взгляд выхватил из общей массы банальностей длинную фразу, смело накорябанную, похоже, детской, но твердой ручкой: «Вырасту, изабриту лазер каторый будит убивать ментов даже в гражданке».

Площадка шестого этажа была на удивление чистой, с белыми мелованными стенами. Квартиры отделялись от лифта обыкновенной дверью со стеклом посередине. Всего их было шесть. Кленов отыскал кнопку звонка под номером 38 и обернулся к Антону:

– Как зовут маму студента?

– Богунец Светлана Владимировна.

– Уберите куда-нибудь свои бандитские рожи.

Антон и Дима Лукин послушно спрятались за выступ лифта. Дверь открыли без слов на третий звонок.

– Богунец Светлана Владимировна? – Голос Кленова был сух и деловит. – Региональное управление по борьбе с организованной преступностью, отдел борьбы с терроризмом, полковник Кленов Роман Евгеньевич.

Услышав название отдела и звание Кленова, Антон закусил губу, чтобы не рассмеяться, а «полковник» продолжал:

– Мы навели справки и установили, что вы крайне порядочная женщина, готовая оказать нам помощь в поимке чеченского террориста, на счету которого жизни десятков людей.

Женщина, видимо, пыталась что-то сказать, но голос Кленова заглушал ее:

– От вас требуется пройти к себе в квартиру и ждать, когда вас пригласят. Спасибо.

Хлопнула дверь. Антон и Дмитрий выскользнули из укрытия. «Глазка» на двери квартиры Кардавы не было, что значительно упрощало дело. Они заняли позиции по бокам. Кленов подмигнул им и позвонил в звонок у первой двери. Где-то далеко на верхних этажах истошно залаяла собака, вторя ей, зарыдал ребенок. Антон, повинуясь импульсу, вытащил из-за пояса ПМ. Замок щелкнул, дверь начала открываться. Стоявший справа Лукин резко дернул на себя дверную ручку, в то же мгновение Кленов и Антон с диким воплем: «Стоять! Милиция!» – ввалились внутрь квартиры. Даже если бы седой грузин в спортивном костюме попытался выполнить данную команду, это вряд ли ему удалось бы. Втоптаный в линолеум, он распластался на животе, закрыв голову руками. Антон быстро проверил все помещения квартиры. Кленов наклонился и дотронулся до обтянутого синим «адидасом» плеча.

– Стреляй быстрее, даже не хочу видеть твоего лица. – Кардава говорил без малейшего акцента. У него был тихий голос смертельно усталого человека.

Кленов взял его за локоть и рывком оторвал от пола.

– Ты нас с кем-то путаешь, Тенгиз. Мы пришли продлить твою жизнь, правда, в особых условиях.

Он достал из кармана удостоверение:

– РУБОП! Слышал такое слово?

Кардава молча покивал. Антон отметил, что в его глазах ничего не изменилось. Ни горечи, ни облегчения, только обреченная усталость. Он поднялся с пола и сел на стул возле вешалки. Кленов достал «браслеты» и бросил их Лукину. Антон прошел в комнату. Аккуратно застеленная кровать, стол с дымящейся чайной чашкой, «Тринитрон» с видаком. На подоконнике дорогая кожаная сумочка-борсетка. За окном во всем солнечном великолепии раскинулся Финский залив. По сияющей поверхности скользили катера.

– Антон! Мы почти готовы. – Кленов просунул голову в дверь: – Чего-нибудь интересное?

Антон с трудом оторвался от окна.

– Я только сумочку посмотреть. Без обыска шмонать не хочу, лучше потом вернемся.

– Ладно, давай быстрее, я пока водички попью. – Кленов исчез.

– Димка, следи за клиентом. Тенгиз, у тебя сок апельсиновый есть? А «боржом»? Что же ты, как лох, из-под крана пьешь?

Антон извлек содержимое сумочки: паспорт на имя Зазы Тохадзе с фотографией Кардавы, техпаспорт на «опель-калибра», доверенность, электронная записная книжка, фото Кардавы вместе с мужчиной средних лет и молодой красивой женщиной с коротко стриженными платиновыми волосами, еще одно фото... Легкий сквозняк шевельнул оконную раму, словно приоткрыли входную дверь... Кардава на пляже рядом с крупным мужчиной.

Окно с громким стуком захлопнулось. Антон резко повернулся. Где-то снова залилась истошным лаем собака.

– Димка, хочешь пить?

Позднее он понял, что стоявший спиной к двери Лукин тоже обернулся на сквозняк, и направленные в него пули попали в левый бок и грудь. Захлебываясь кровью, он упал на пол, пытаясь вытащить из-за пояса ПМ. Зеркала в комнате и прихожей создавали эффект триплекса, и, находясь в мертвой зоне в углу комнаты, Антон, как в замедленном действии, наблюдал за происходящим. Тенгиз не закричал, не вскочил, он поднял высоко голову и хищно оскалился. Звякнул металл, и во лбу у него появилась аккуратная маленькая дырочка. Завалившись набок вместе со стулом, он подмял пытавшегося дотянуться до пистолета Лукина. Выстрелов не было. Только звяканье железа, мягкие шлепки падающих тел, визгливый лай собаки и мерный шум водопроводного крана на кухне. Антон чувствовал, как внутри образуется пустота, нужно было выпустить из дрожащих пальцев сумочку и достать пистолет, но скользкие пальцы окаменели и не слушались. Тело покрывалось испариной. Вдруг захотелось заплакать. В образованный зеркалами кадр вплыл со стороны входной двери высокий худой мужчина в темных очках и легком белом плаще. Удлиненный глушителем ствол пистолета смотрел на тело Кардавы. Двигался он фактически бесшумно. Журчание воды на кухне смолкло.

– Дима! Что там у тебя?

Поворот коридора скрывал от Кленова прихожую, но, видимо, до него донесся шум. Худой оглянулся и отступил в угол, став почти невидимым на фоне вьющейся в косых солнечных лучах пыли. Кленов вышел из кухни, в руке он держал стакан с водой. Угол стены и бьющее из комнаты солнце мешало ему увидеть Лукина и Кардаву. До стрелка оставалось три шага.

Дыхание прервалось. Что-то холодное сдавило Антону легкие. В голове шумело. Он понял, что через секунду оцепенения вся его жизнь, предыдущая и последующая, окажется никчемной и ненужной, что никакими подвигами не искупит он этой секунды, не исправит этого бездействия. Диким усилием, как двадцатикилограммовое ядро, отбросив от себя сумочку, Антон невесомой рукой вынул из кобуры пистолет и с криком: «Ромка, назад!» ринулся в дверной проем за долю секунды до того, как Кленов увидел происшедшее.

Имей Роман Кленов специальную подготовку, предусматривающую умение не думая реагировать на команду, все могло бы обойтись. Но он был всего лишь хорошим оперативником, к тому же эмоциональным. Увидев Лукина в луже крови на полу, он не задумываясь устремился вперед, ему на помощь, навстречу своей гибели. Худой хладнокровно выстрелил ему в голову. Одновременно с этим Антон, вырастая в дверях комнаты, дважды нажал на спусковой крючок. ПМ молчал. Патрона в стволе не было.

Худой, несомненно, был профессионалом, но даже он окаменел, вжавшись в угол.

Из крана на кухне капала вода.

Во дворе весело кричали дети.

Уставившись на слепые черные стекла очков, Антон в бредовом состоянии пытался передернуть ускользающий из пальцев затвор. В момент, когда это ему удалось, он, потеряв равновесие на скользком паркете, нелепо хватаясь рукой за дверной косяк, сел на пол. Ему снова повезло. Именно в эту секунду Худой выстрелил. От бедра. Не поднимая руки. Пуля по касательной рассекла волосы и кожу головы. Его контузило. Глаза, нос, рот залило теплой соленой волной. В ушах загревели литавры. Сидя в дверях и потряхивая головой, как выпавший из

коляски ребенок, Антон автоматически вытянул руку и нажал на спуск, отрешенно наблюдая, как чуть выше колена Худого белый плащ выплюнул красный фонтанчик и как резко переломилась линия плотно сжатых губ. Оттолкнувшись ногами от пола, одновременно со вторым выстрелом противника, Антон откатился за шкаф. В зеркало он видел, что Худой несколько мгновений стоял, держась рукой за стену, затем повернулся и, втянув голову в плечи, хромая, исчез.

В голове уже играл целый оркестр. Внутренности выворачивало наружу. Струйки крови вперемешку с потом стекали по подбородку и капали на пол. Ноги и руки стали картонными. Где-то чуть ниже сердца билась зарождающаяся истерика. Чувствуя, как темнеет в глазах и уплывает вокруг реальный мир, Антон перевернулся на живот и, не в силах бросить мешающий теперь пистолет, неуклюже, по-крабьи, пополз в прихожую. Кардава был очень тяжелый. Вытащить из-под него Лукина не получалось. Стараясь не смотреть на Кленова и боясь вот-вот потерять сознание, он с остервенением налегал на мертвое тело грузина, кончиками пальцев ощущая, как слабо пульсирует жизнь в окровавленном Димкином теле. Не понимая, почему у него не хватает сил встать, Антон снова перевернулся на спину и неожиданно увидел тоненькую струйку, сочившуюся из пробитой на животе куртки. Колючая волна страха затопила все. Вслед за ней пришло безразличие. Он расслабился. Стало тихо и уютно. Этажом выше бормотал телевизор. Смешиваясь с кровью, по щекам скользнули слезы.

«Не хочу тишины!»

Он поднял пистолет и выпустил в потолок всю обойму.

Стены усмехнулись и побежали по кругу.

«Не хочу...»

ГЗ Василеостровского РУВД обнаружила их через пятнадцать минут.

Через полтора часа Дмитрий Лукин скончался в Покровской больнице, не приходя в сознание.

Вечером пошел дождь.

* * *

Перед парадной Антон остановился, чтобы успокоиться и унять нервную дрожь в руках. Холодные дождевые струи яростно стегали его по спине. Рукоятка «пээма» удобно легла в ладонь. Он повернулся лицом к дождю, прижался лопатками и затылком к неровной стене и жадно вдохнул. Кровь толчками била в висках, вызывая ноющую боль. Было жизненно необходимо сосредоточиться. Жизненно...

«Квартира Каретникова на третьем. Этажи высоченные. Балкона вроде нет. Черного хода нет точно. Каретников меня знает, должен открыть...»

Антон толкнул дверь и начал подниматься по лестнице.

«А если он не у Каретникова? Нет, вряд ли... С ним Фуня... ГОСПОДИ! ПУСТЬ ОН ОКАЖЕТ СОПРОТИВЛЕНИЕ! ГОСПОДИ! ПУСТЬ ОН ОКАЖЕТ СОПРОТИВЛЕНИЕ!»

Он понял все, когда увидел щель приоткрытой двери. Тянувший откуда-то сверху сквозняк настойчиво постукивал створкой о косяк. Внутри царил тишина. Еле дыша, стараясь не шуметь, Антон приоткрыл дверь и просочился в квартиру. Он уже знал, что увидит. Он чувствовал себя совершенно спокойным. Он уже видел ЭТО.

Запахи железа, огня и крови щипали ноздри. Неслышной тенью Антон вальсировал по квартире, перешагивая через то, что еще менее часа назад было людьми. Он не оставлял за спиной опасных пространств и не пропускал ни одного места, способного по объему вместить человека. В голове звенело. По щеке катилась капля пота, которая, казалось, имеет запах крови.

Направо ниша – пусто, шкаф – пусто, налево дверь в комнату, – вроде никого... Прижимаясь к левой стене... Вперед...

Чем меньше оставалось непроверенных помещений, тем очевидней становилось то, что Антон понял фактически сразу: ОН ушел, ЕГО здесь нет. От этой мысли боль в голове становилась невыносимой. Три года бессонницы. Три года тоски, молчания и ночного бреда. Подарок на черной питерской набережной, и все

снова.

Он уже не осторожничал. В ярости пнул ногой тумбочку, стул. Стволom пистолета смел с кухонного стола два высоких бокала из тонкого красного стекла. С трудом подавил в себе желание всадить пулю в кинескоп «Шарпа». В голове, казалось, кто-то маленькими молоточками бьет по натянутым струнам, словно рана открылась, и кровь снова заливает лицо. Антон опустил пистолет и двинулся к выходу. Мучительно захотелось присесть. Головокружение кидало его от одной стены коридора к другой. Во рту стало солоно. Кровь шла носом. С трудом он вывалился на лестницу и схватился руками за перила.

«Сволочь! – закричал он в пролет. – Я найду тебя, тварь, найду, понял?!»

В разбитом окне последнего этажа продолжал петь ветер. Гулко молотил по железной крыше равнодушный питерский дождь.

* * *

С кладбища напал серый, грязный, клубящийся, как вата, туман. Неумолимый дождь моросил, подобно заевшему на одной ноте музыкальному инструменту. Подслеповато щурясь фарами, по разбитому асфальту набережной проносились грузовики. Цыбин отошел от окна и налил себе в грубую фаянсовую кружку кипящего рубинового чая. Он всегда пил его доведенным до температуры расплавленного металла, без сахара, лимона и других добавок, чтобы острее чувствовать бодрящую горечь. До звонка оставалось еще двадцать три минуты, и, опустившись в жесткое, издававшее виды кресло, он снова взял в руки книгу:

Как быстро ты струишься между рук,

как ускользаешь, время жизни краткой.

Как легок шаг твой, смерть, когда украдкой

немой стопой стираешь все вокруг.

Цыбин отпил глоточек раскаленного чаю и зажмурился, ощущая, как горячий шарик катится по пищеводу.

«До чего же близки у испанцев любовь к жизни и восхищение смертью, – подумал он. – Вот где полнота ощущения единоначалия света и тьмы, и во главе угла время: единственное мерило расстояния между ними, неукротимая сила, сводящая их в одной точке».

О смертный жребий, о удел злосчастный!

И дня нельзя прожить наверняка,

не домогаясь смерти ежечасно!

И каждого мгновения тоска

нам доказует пыткой,

сколь напрасна, сколь тороплива жизнь и сколь хрупка.

Телефон зазвонил, противно дребезжа разбитым корпусом. Цыбин посмотрел на часы: ровно четырнадцать ноль-ноль. Он отсчитал шесть звонков. Телефон умолк и ожил ровно через две минуты: звякнул дважды и снова стих. Цыбин отложил книгу. Звонок. Он сразу же поднял трубку.

– Алло! – Голос Анны был, как всегда, низким и хрипловатым, словно она была простужена.

– Это я, – сказал он, – через сорок пять минут, – и повесил трубку.

Одеваясь, он думал о том, что она все-таки редкого терпения и хладнокровия женщина и что без нее ему было бы гораздо тяжелее. Подойдя к зеркалу, придирчиво оглядел себя: синий «адидас», кроссовки, турецкая кожанка, черная кепка. Его передернуло. Он ненавидел свое отражение. Так одевалось быдло. Тупое бритоголовое быдло. Но искусство требовало жертв.

Такси Цыбин поймал на трамвайной остановке, у кладбища, сел на заднее сиденье, чтобы не донимал разговорами шофер, и всю дорогу дремал под монотонный шелест «дворников», изредка глядя сквозь ресницы в покрытое дождевыми струйками лобовое стекло.

Пушки у Артиллерийского музея блестели, отполированные водой.

Петропавловка терялась за сеткой дождя. На Анне был зеленый клеенчатый

дождевик, надетый на толстый свитер, синие джинсы и высокие резиновые сапоги с завязками спереди. Двумя месяцами раньше она могла бы сойти за грибника, но сейчас, когда листья сохранились лишь в виде гнилых мокрых кучек, а голые ветви деревьев протыкали небо со всех сторон, она выглядела опоздавшей.

– Холодно, – поежилась она вместо приветствия.

– Ночью снег шел. – Цыбин приобнял ее за плечи. – Идем?

Несмотря на середину дня, в парке имени Ленина было сумрачно и пусто, только у «Горьковской» тек непрерывный людской ручей. Возле телефона-автомата Цыбин достал из кармана жетон и носовой платок. Дождавшись, когда у соседнего аппарата молоденькая девушка, по виду студентка, закончит убеждать маму, чтобы та не волновалась и что «будут исключительно приличные ребята», он обмотал платком микрофон и набрал врезанный в память номер. Ответили почти мгновенно. Это ему не понравилось. Как будто человек сидел у телефона и ждал звонка.

– Слушаю. – Голос был гортанный, с металлической ноткой.

– Это экспедитор, – Цыбин слегка сипел в трубку, – товар доставлен в сохранности.

Анна оторвалась от созерцания продуваемой ветром аллеи и, стрельнув на него глазами, слегка улыбнулась.

В эфире немного помолчали.

– Вы доставили намного больше товара, чем мы заказывали, – голос не изменился ни на йоту, – нам не нужно было так много.

– Это мои проблемы, – Цыбин тоже оставался спокоен, – я же не прошу у вас его оплатить. Считайте, что это издержки производства.

– Боюсь, на рынке это может вызвать негативную реакцию общественности.

– Люди, которые занимаются таким серьезным бизнесом, не должны беспокоиться по поводу мнения общественности.

«Гортанный» снова помолчал.

– В какой форме вы хотите получить зарплату?

– В той же, в какой и аванс. Выборг, 21.10.

– Может быть, хватит... – На секунду Цыбину показалось, что «гортанный» сейчас выйдет из себя, но тот сразу поправился: – Впрочем, как скажете.

– Выборг, 21.10, – повторил Цыбин и повесил трубку.

Дождь уменьшился, но небо по-прежнему было затянуто серой пленкой, без всяких просветов. Анна повела носом. В воздухе струился распространяющийся от ларька запах шавермы.

– Есть хочу. Мяса, – как всегда коротко, сказала она.

Цыбин улыбнулся, слегка подняв уголки губ.

– В «Антверпен» нас, конечно, в таком виде не пустят, но есть место, где я накормлю тебя превосходным мясом. – Он посмотрел на часы: – У нас еще почти два с половиной часа. Гуляем!

Анна прищурилась. Взяв ее за локоть, Цыбин зашагал по Кронверкскому проспекту.

Внешне шашлычная «У Камала» имела не особенно презентабельный вид: простые оструганные столы, блеклые стены, недорогие столовые приборы. Цыбин выбрал столик у огромного, как магазинная витрина, окна и жестом подозвал молодую, кавказского типа девушку в строгом темном платье. Кафе было абсолютно пустым. Где-то в глубине кухни негромко играла музыка. Девушка быстро принесла бастурму, чанахи, хазани и бутылку сухого вина. Анна, жмурясь от удовольствия, как кошка, жевала мясо. Цыбин длинными глотками пил вино, глядя на ползущие под дождем машины. Было тихо и зябко. За

стеклом подкрадывались ноябрьские сумерки. Анна доела последний кусочек хазани и, пригубив вино, тоже посмотрела в окно.

– Цыбин, – вдруг спросила она, – когда все это кончится?

Он с изумлением взглянул на нее. Раньше она никогда не задавала таких вопросов. Ему это не понравилось.

– Скоро, совсем скоро.

Она кивнула как ребенок, поверивший, что завтра он полетит на Луну.

– Мы уедем туда, где тепло, солнечно и люди всегда улыбаются. – Цыбин достал портсигар и извлек из него черную, густо пахнущую сигарку.

– Туда, где чисто и светло?

– Да, как у Хема.

Анна протянула руку через стол и, взяв у него сигарку, глубоко втянула ноздрями аромат. Она никогда не курила, но обожала запах табака, как кошка валерьянку. Цыбин залпом допил остатки вина и, снова открыв портсигар, закурил.

– Как с диссертацией? – свернул он со скользкой темы.

– Мучаю первую главу, – она поморщилась. – Вообще не уверена, что мне это нужно.

Цыбин выпускал аккуратные колечки дыма.

– Тема у тебя не очень. Дался тебе этот Бернс. Скучная британская поэзия столь же чопорна, как и сами англичане.

Она усмехнулась и снова сощурила зеленые глаза.

– Конечно, несчастному Роберту Бернсу далеко до испанских идадьго, но на твоём месте я бы не обижала его: мы многим ему обязаны.

Они встретились в Комарове на семинаре, посвящённом творческому наследию Бернса. Цыбин прекрасно помнил тот ветреный июнь, её манящий загар, смело расстегнутую до третьей пуговицы блузку, чтение стихов на заливе и тёплое дыхание на своей щеке во время танца в полутёмном банкетном зале. Потом была осенняя Рига, дом на взморье, огонь в камине... Потом была Москва... Ночь... Зима... Ярослав...

Цыбин мотнул головой, отгоняя воспоминания. Он ненавидел компромиссы с самим собой. Даже если они радовали его после.

Влажная муть липла к окнам. Блекло замерцали жёлтые огни уличных фонарей. Он посмотрел на часы. Почти пять. Осенний город поедал время с прожорливостью голодной собаки.

– Пора? – Анна убирала в сумку зеркальце.

– Пора.

Бледный круглолицый водитель рассыпающейся «шестёрки» потребовал до Финляндского двадцатку. Машина натужно ревела пробитым глушителем и источала запах выхлопных газов. В кассовом зале былолюдно. Мокрые жители области, спеша с работы, выныривали из метро и брели на платформы забиваться в немногочисленные электрички. Тут и там мелькали с досками и фанерками не сломленные ноябрем дачники-камикадзе. До первого нужного поезда оставалось менее пяти минут.

– Место хорошо помнишь? – Держа Анну за локоть, Цыбин уверенно лавировал в человеческом потоке.

– Да, за переездом со сломанным шлагбаумом, где карьер.

– Шлагбаум могли починить, – серьёзно сказал он.

– Он там один. Не ошибусь.

– Вырезку взяла?

Она кивнула, доставая из кармана куртки лоскуток газеты с заголовком «Продаются дачи под Выборгом».

– Обязательно зайди хотя бы на одну.

– Помню.

Они вскочили в тамбур последнего вагона. Цыбин рукой придерживал створку дверей.

– Если что?..

– Да помню, – она скорчила гримаску, – ездила смотреть садоводство, заблудилась и тэ дэ.

Он поцеловал ее.

«Удачи!»

Она прикрыла глаза.

Цыбин выскочил на перрон. Электричка зашипела, сипло выдохнула и двинулась сквозь дождь. Часы на здании вокзала показывали 17.25.

До Витебского он доехал на метро. Наверху купил «Петербург-экспресс» и прошел в буфет первого этажа. Пристроившись с чашкой кофейной бурды за стоячим, шатающимся столиком, около получаса наблюдал за автоматическими камерами хранения. Вокзальная суeta была обычной. Никто не выбивался из ее привычного ритма.

Радиотелефон одиноко лежал в глубине камеры. Блок питания отдельно. Выйдя на улицу и проверившись еще раз, Цыбин собрал телефон и включил, затем набрал первый попавшийся номер. Спросив Любу, извинился и снова отключился. Все работало. Телефон был односторонним. Путем подмены специальной карты он был подключен к одному из многочисленных сотовиков в

Питере. Звонить на него было нельзя, поэтому хозяин основного телефона мог узнать о своих проблемах только при очередной оплате переговоров.

Цыбин посмотрел на небо. Дождь усиливался. Быстро темнело. Он улыбнулся: ночь обещала быть такой же ненастной, как предыдущая. Это облегчало сегодняшнюю задачу.

* * *

Сигарета имела противный кисло-металлический привкус. Не докурив ее и до половины, Антон потянулся к пепельнице.

– Значит, ты хочешь сказать, что спустя три года после того, как ты одну секунду видел человека...

– Я повторяю это уже почти восемь часов: да, я уверен, что это он.

В кабинете начальника уголовного розыска 87-го отдела милиции дышать уже было практически нечем: сигаретный дым слоями заполнял все пространство. Открытая настежь форточка не спасала. Сам начальник, молодой и тщеславный Артур Вышегородский, стоя у подоконника, разливал по кружкам черный, сильно пахнущий кофе.

– Ты мне не раздражайся. Я в розыске двадцать лет. У меня уже, знаешь ли, даже яйца седые, и во всю эту киношно-голливудскую херню я не верю. Я свое первое убийство раскрывал, когда ты...

Антон равнодушно относился к большинству руководителей городского угрозыска, но сидящий сейчас за столом Вышегородского заместитель начальника управления полковник Хрящев его бесил всегда. Даже теперь, бросив после инфаркта пить, Хрящев выглядел, как старый седой пьяница в вечно засаленной рубашке и мятом костюме. Не исправляли впечатления даже дорогие очки с тонкой золотистой оправой. Руководство ГУВД смотрело на него как на бога, вспоминая дела десятилетней давности, а он, в свою очередь, не хотел или не мог уже заметить, что все стремительно меняется, и, считая себя суперпрофессионалом, нес всевозможную штампованную чушь эпохи военного коммунизма.

– Я не понимаю, чего вы от меня хотите? Что мне, «чистуху» написать, что ли? – Антон встал и, подойдя к окну, первым взял одну из кружек, перехватив изумленный взгляд Вышегородского. – Я все подробно изложил дважды: сначала в рапорте, потом на допросе. Уже почти двенадцать. Я на ходу засыпаю. На что вы хотите меня поколоть, я не знаю.

– Ну, допустим, колоть тебя никто ни на что не собирается. – Сидящий рядом с Хрящевым крупный, слегка полноватый начальник 22-го «убойного» отдела Матросов встал и, одернув элегантный серый костюм, тоже подошел к окну. Вышегородский мгновенно подал ему чашку.

– Просто не хочется, чтобы в деле присутствовала путаница. Павел Анатольевич несколько излишне эмоционален, но его тоже можно понять.

Матросов отхлебнул кофе и прошелся по кабинету, видимо, подбирая слова для следующей фразы. Чувствовалось, как нравится он самому себе. Выступления по телевидению, частые приезды делегаций из других стран, приглашения на многочисленные светские рауты произвели неожиданные метаморфозы среди многих главковских руководителей, трансформируя их внешне из «ментов» в «копов». Но только внешне. Сущность осталась той же.

Глядя на самодовольного Матросова в дорогом итальянском костюме, Антон вспоминал, как пять лет назад, ровно через три недели после устройства в милицию, его как самого молодого отправили в другой район, в бригаду по расследованию погрома на одном из рынков. Страшно гордый, что работает по преступлению, о котором говорит весь город, Антон прибыл на проводимый Хрящевым и Матросовым инструктаж, где получил задание полностью обойти одну из прилегающих к рынку пятиэтажек с целью установить свидетелей погрома. Хрящев сказал, что, пока каждый жилец не будет опрошен, об отдыхе следует забыть. Матросов добавил, что «уголовный розыск – не место для бездельников» и что они с Павлом Анатольевичем «работают без перерыва уже трое суток». Возвратившись в начале двенадцатого вечера с отчетом, насквозь промочивший в ноябрьской каше ноги, Челышев застал начальников в сумеречном состоянии перед столом с остатками закуски (из соображений конспирации пустая тара стояла под столом). Принявший его отчет Хрящев долго пытался неверными движениями надеть очки, затем, справившись, разразился бранью по поводу почерка Челышева, из-за которого ничего не понятно. Подошедший Матросов поддержал начальника, заявив, что, когда он

был молодым опером, он, имея плохой почерк, все бумажки по ночам печатал, чтобы всем было понятно... Антон, обладая каллиграфическим почерком от рождения и постоянно страдая от этого, особенно в армии, стоял ошарашенный, пока не заметил, что его отчет держат вверх ногами...

Из воспоминаний его вернул собравшийся с мыслями Матросов:

– Ты не хуже нас знаешь, что с твоим делом все уже давно ясно, что стрелял в вас Леша-Миномет. Да, я помню, что ты его категорически не опознал, но девочки со двора...

Антон не выдержал и усмехнулся.

– Нет, ты посмотри, он еще скалится, – взорвался Хрящев. – Он самый умный, ему наши доводы по барабану. Да тогда весь УУР работал, чтобы...

Антон смотрел на бегущие по оконному стеклу серые, как сам день, капли. Они с трудом пробивали себе дорогу по жирному налету копоти. Не хотелось спорить. Не хотелось что-то доказывать. Не хотелось вообще говорить. Хотелось выпить «стольник» водки, стакан минералки и спать. Хотелось, чтобы больше не возвращалась боль. Хотелось ярких ласковых снов. И еще хотелось солнца, теплого летнего солнца.

«Как там у Цоя... “Солнечный день в ослепительных снах”».

Сквозь мечты пробивались распеваемые на два голоса обрывки фраз:

«Чистое раскрытие...»

«Информация Тортюхина...»

«Хватит играть в детектива...»

Он вздохнул и снова уставился в застекленное мокрое небо.

В версию Миномета он не верил никогда. Даже в самом начале, когда любимый опер Матросова, вечно загадочный и очень важный Сергей Тортюхин из группы

по «заказухам», принес информацию, что Алексей Пушкарёв по кличке Миномет, боец из группировки Боба Новокузнецкого, является непосредственным исполнителем бойни на «Кораблях». Совершенно не убеждал Антона мотив убийства по версии Тортюхина, заключающийся в том, что Миномет вложил свои заработанные честным бандитизмом баксы в финансовую пирамиду Кардавы и, оказавшись у разбитого корыта, сильно обиделся и решил поквитаться. Руоповцы же просто оказались не в том месте и не в то время. Последнее было единственным, с чем Антон соглашался. Что же касалось остального, то ему было абсолютно неясно, зачем Миномету при таком раскладе убивать Кардаву, когда нужно вышибать из него деньги. Кроме того, имелась другая тонкость: «крышей» Кардавы в его «бизнесе» являлась именно группировка Боба, в которую входил Пушкарёв. И именно к ним, по общему мнению наиболее информированных кругов из числа населения города, перекочевали собранные Кардавой у доверчивых вкладчиков деньги. Все это было непонятно, но до опознания являлось лирикой. Когда же Антону показали видеозапись с изображением Пушкарёва, он окончательно утвердился во мнении, что блестящая версия – полная туфта. Пушкарёв был ростом с него, коренастый, плотный, с круглым дебильным лицом. На Худого он был похож, как Тайсон на Шварценеггера. Кроме этого на опознании выяснилась еще одна пикантная деталь. На вопрос Антона: почему ему не представляют Пушкарёва вживую, следователь горпрокуратуры с замечательной фамилией Суков разъяснил, что такой возможности нет, так как через неделю после перестрелки на «Кораблях» Леша был убит в пьяной драке с молодыми «ефремовскими» бойцами в широко известном кафе «Полночь». Провал опознания не обескуражил группу 22-го отдела. Через неделю Суков сообщил Антону, что готовит дело к прекращению за смертью обвиняемого.

– Девочки его опознали, что во дворе играли, – бодро говорил он. – Да еще его палец в комнате нашли, прямо на телевизоре отпечаток. А ты нервничал, видел плохо, ранили тебя опять же. Сам понимаешь...

Антон прекрасно понимал, о чем он говорит, но заставлял себя не раздражаться. Крыть было нечем. После ЭТОЙ больницы любые его слова могли ничего не стоить.

– Убийца не мог оставить палец на телевизоре, – убеждал он, – он не заходил в комнату, а Пушкарёв мог бывать у Кардавы. Они ведь знакомы. Отсюда и опознание, и след... Слушай, а ты эксгумацию будешь проводить? Я же попал в него.

– Какая эксгумация, ты что! У меня и так сроки горят. Тем более зачем? И так все ясно. А тебе могло и показаться. Ну ты понимаешь...

Дело прекратили. Несколько газет выбросили сенсационные статьи о раскрытии убийства оперативников РУОПа. Кто-то выражал свои сомнения в курилках главка. Потом все стихло. Осталась только боль. И еще память.

– Он нас не слушает, – сказал вдруг Хрящев. – Нет, ты посмотри, он совсем нас не слушает. Артур, он у тебя всегда такой умный? Он хоть вообще чем-нибудь занимается?

Вышегородский на секунду замялся. Отношения у него с Антоном были натянутые, но при нем стучать он все-таки не мог.

– Нормальный оперативник... Ну-у, опытный, грамотный...

Антону надоело. Его уже тошнило от кофе и курева. Слушать одно и то же обрыдло.

– Можно, я пойду? – как можно вежливее спросил он. – Я все понял, я очень устал, голова болит.

При последних словах Матросов сделал понимающее лицо.

– Да-да, конечно, ты перенервничал, но вел себя на месте грамотно. Ты на нас с Палом Анатольевичем не обижайся. Иди отдыхай. Те, кто будет заниматься делом, с тобой свяжутся.

– Хочешь, возьми завтра выходной, – неожиданно сказал Вышегородский.

Антон удивленно посмотрел на него и покачал головой.

В чайнике снова забулькал поспевший кипяток.

Дождь за окном поутих, только порывистый ветер продолжал терзать ветви деревьев.

Коридор отдела был абсолютно пуст. Все двери наглухо закрыты. Присутствие высокого начальства не располагало к сидению на местах. Используя универсальную формулу «я на территории», опера, не задействованные в работе по «свежаку», рассосались с самого утра. Впрочем, в основном к делу были привлечены бойцы районного «убойного». Их начальника, молодого франтоватого парня в неизменной ковбойской шляпе и «казаках», Антон видел еще ночью на месте убийства. Отделенческие же пинкертонеры, как всегда, были озадачены проблемой повышения раскрываемости за счет увеличения количества отказов в возбуждении уголовных дел, а также работой по перспективным кражам магнитофонов, курток, шапок и других предметов после совместного распития алкоголя в грязных коммунальных норах.

Сосед по кабинету «детский» опер Рома Хохмачев по кличке Хоха неожиданно оказался на месте. Запершись, он занимался крайне полезным для оперативника делом – обклеивал самоклеящейся пленкой сейф. Хоха работал немногим более года, но уже считал себя сильным опером. Львиная доля его речей посвящалась тому, как он день и ночь впахивает, как на нем одном держится отдел и как несправедливо не замечает его руководство. За все время работы Хохины раскрытия можно было посчитать по пальцам одной руки, попавшей под циркулярную пилу. Общаться с детьми-злодеями он абсолютно не умел. Вследствие этого дети его не любили и стучать ему категорически отказывались, что напрямую сказывалось на его показателях. Зато он поменял в кабинете обои, принес одеяло, подушку и даже кофейный сервиз. И еще он обладал одним неотъемлемым качеством: у него всегда были деньги.

Антон упал на стул и, открыв нижний ящик стола, вытащил запасную пачку «Беломора».

– Ром, – сказал он просто, – дай двадцатник до зарплаты. Четыре дня осталось.

Хоха Антона уважал и даже немного побаивался. Поэтому возможность сделать для него что-нибудь никогда не упускал. Вот и сейчас он стремительно извлек из кармана красивый бумажник и достал две десятки.

– Может, побольше возьмешь? Мне несложно.

– Не, мне хватит. – Антон сунул деньги в карман. – Если жена будет искать, скажи, я еще работаю.

– Обязательно. – Хоха кивнул, прилаживая новый кусок пленки.

На улице было мокро и холодно. Поздоровавшись с двумя водителями в грязных бушлатах, безуспешно пытающимися реанимировать мертвый уазик с надписью «Группа немедленного реагирования», Антон свернул налево во двор и, пройдя обшарпанной аркой, вышел на улицу Маяковского. Дождь едва накрапывал, но небо было сплошь затянуто тучами. Идущие из школы дети с наслаждением хлюпали по лужам ногами в резиновых сапогах. После душных, терпких кабинетов неожиданно задышалось легко и свежо.

У входа в «Василису» стоял, покачиваясь на нетвердых ногах, Андрей Скрябин – бывший дежурный, бывший опер, бывший участковый, уволенный за пьянку. Он и сейчас был уже прилично нагрузившись.

– Тоха! – схватил он Антона за рукав. – Дело есть. Тут одна баба хочет...

– Отстань ты со своими делами! – Антон вырвался. – Я с ночи, за...ся как черт. Квасишь целыми днями, дай другим спокойно выпить.

Он вообще не любил Скрябина, а после того, как тот, устроившись в «шестерки» к каким-то бандюкам, начал подкатываться с различными наглыми предложениями, стал его на дух не переваривать.

– Злой ты, Тоха! – Скрябин обиженно отвернулся и понес себя в сторону отдела.

В зале «Василисы» было светлее, чем обычно. Кто-то отдернул всегда прикрытые плотные шторы. Народу почти не было. За стойкой стояла Ксения. Антон даже непроизвольно улыбнулся. От ее присутствия уже становилось легче на душе.

– Привет! Ты чего такой замурзанный? – Ксения улыбнулась, беря пивную кружку. – Пива или кофе?

– Водки! – Антон навалился на стойку, положив подбородок на руки. – Сто и поесть чегонибудь. Я с ночи.

Она сделала круглые глаза:

– Солянку будешь? Сегодня вкусная. Ты на этом, на большом убийстве был? Сашка перед тобой забегал, рассказывал.

Антон кивнул:

– Давай солянку. Сашка давно ушел?

– Минут пятнадцать. Опять выпил двести водки, запил лимонадом и побежал. Слушай, Антон, он так пьет, мне даже страшно.

– Это его нормальная доза. – Антон взял свой фужер. – Когда он будет брать по четыреста, бей тревогу.

Ксения грустно усмехнулась:

– Иди садись, солянку я тебе принесу.

Выбирая стол, он думал о Сашке Ледогорове, который начал пить со дня смерти отца и уже не останавливался. Честный, прямолинейный и бескомпромиссный, он никогда не допивался до свинского состояния, но с каждым днем становился все мрачнее, апатичней и безразличней ко всему. Работая с ним с первого дня в милиции, Антон знал его способности, но сейчас многие смотрели на него как на отыгранную карту, и Вышегородский не скрывал своих намерений его куда-нибудь сбегать.

Ксения принесла глиняный горшок с кипящим варевом. Антон не удержался и скользнул взглядом по ее стройным ногам и замечательно высокой, особенно для почти сорокалетней женщины, груди. Она сделала вид, что не заметила, подмигнула и устремилась обслуживать вошедших посетителей.

«Правильно говорят, что человеку столько лет, на сколько он себя ощущает, – глядя на нее, думал он. – Пучок энергии, половину посетителей помнит по именам, кто что любит, кто чем живет. С тем покурила, с этим посмеялась – и все успевает. Большая часть народа ходит сюда из-за нее».

Он ополовинил фужер и проглотил несколько ложек обжигающего супа.

«А сколько мне лет? Восемьдесят? Нет, уже явно сто или двести. Слишком много помню. “Долгая память хуже, чем сифилис”. Сплошные цитаты в голове... Говорят, надо забыть и жить дальше. Как это по-научному... абстрагироваться. Быть сильнее. Не вспоминать. Как это можно, если ЭТО всегда во мне!»

Дождь за окном усилился. На другой стороне улицы зазывно вспыхивала реклама магазина аудиотехники. Ксения включила магнитофон. Хриплый голос профессора Лебединского затянул «Лодочника». Народу заметно прибавилось. Люди тянулись: кто пообедать, кто хлопнуть кружечку пива. Явились картежники. Они всегда занимали столик в углу, брали выпить и до глубокой ночи резались в преферанс. Жанна с Лилей – две местные искательницы приключений, получившие от Ксении меткую кличку «овцы», – устроились со своим неизменным вином у входной двери. Сменившийся наряд ГАИ прошел мимо с полными кружками. Кто-то из них приветственно кивнул. Антон уже давно допил водку и доел солянку. Теперь, откинувшись на спинку стула и затягиваясь папиросой, он смотрел в посеченное дождевыми брызгами окно. По телу катилась истома, слегка шумело в голове, слипались глаза. Только мозг жил отдельно от тела, с неумолимой безжалостностью вбивая в сердце осознание происшедшего, доставая из памяти всегда ждущий своего часа кошмар.

«...Все белое-белое. От белья пахнет крахмалом и лекарствами. Все ходят тихо-тихо... шепотом... в тапочках. На полу шестьдесят две шашечки линолеума. Вчера было больше... или нет, показалось. Доктор хороший: вежливый, интеллигентный, внимательный... Нет, спасибо, рана уже давно не болит... Да, как выписали... Очень душно... Хочется снега... Голова? Нет, днем ничего... Который час?.. Не обманывайте!.. Я знаю, скоро ночь... Дайте снотворного!.. Я не могу... Устал... Страшно... Не уходите!.. Пожалуйста... Мама!.. Оля!.. Где они, доктор?! Нет, я не плачу... Честно... Я уже большой... Не волнуйтесь. Идите. Я накроюсь одеялом с головой...»

– Антон! Что случилось? Ты плачешь? Что-нибудь дома?

Ксения, бросив стойку, стояла перед ним, заглядывая в глаза.

– Все нормально, просто сегодня немного тошно.

Она еще раз внимательно посмотрела на него и отошла.

«Где мои папиросы? Надо закурить... Я даже не удивился сегодня. Знал, наверное... А может, ждал. Китаец был прав... Лицом к лицу легче. Надо найти ЕГО... Тогда все кончится. Зря я не верил раньше... Зря...»

На столе перед ним появились фужер с водкой, стакан минералки и салат.

– Не знаю, права я или нет, но мне кажется, это тебе сегодня не помешает. – Ксения прикурила сигарету. – Запишу на твой счет.

Она снова исчезла.

«Я сегодня не успел даже подумать ни о чем. Я хотел встречи. Жаждал ее. Исчез холодный и зубастый, выгрызающий пустоты внутри. Вот до чего не додумались ковырявшиеся у меня в мозгу “Гиппократы”».

Он почти весело хлопнул водку, запил водой. К салату не притронулся. Снова закурил.

«Как там у Вайнеров “Лекарство против страха”... Черт! Опять цитата...»

– Ксения! Налей еще «стошку» на счет! Через четыре дня зарплата. Я все отдам. Ты меня знаешь!

«...Все белое-белое...»

* * *

Темнота липла к окнам. Дробный перестук колес заглушал шум дождя. Раскачиваясь, как корабль на волнах, почти пустая электричка летела сквозь ноябрьскую ночь. Цыбин курил в тамбуре, изредка вдыхая влетающие в пустое оконце водяные капли. Курьера в четвертом, определенном им вагоне, он «срисовал» давно, еще после Рощина, когда стало свободней. Квадратный, в плаще и костюме, парень, явно не привыкший ездить в электричках, не знал, куда деть ярко-красный детский рюкзачок, то и дело поглядывая на зажатый в руке пейджер. Номер этого пейджера, купленного им на крайне редкую фамилию «Сидоров» и посланного «заказчику» восемь дней назад, Цыбин помнил, конечно, наизусть. Он еще раз проверил нужный тамбур. Стекло так же

отсутствовало. Поезд прошел Каннельярви. Было 22.41. Оставалось около двадцати пяти минут.

«На этот раз курьер один, – подумал Цыбин, – видно, поняли после аванса, что числом меня не посчитаешь».

Он с улыбкой вспомнил туповатых быков, суетно мечущихся в набитой дачниками утренней электричке на Волховстрой.

Прошли Заходское.

Цыбин достал еще сигарку. Он вдруг, на секунду, подумал, каково сейчас Анне в темном, дождливом лесу, но тут же заставил себя думать о самом важном: о расчете времени.

Объявили Кирилловское. В тамбур ввалились молоденький паренек в кожанке поверх футболки «Алиса» и рваных на коленях джинсах, а с ним белокурая девушка в коротком сиреневом плаще и высоких шнурованных ботинках. Оба были здорово навеселе. Прижав девчонку к стенке, парень скользнул рукой по ее ноге под плащ. Она взвизгнула:

– Б...! Ты чего, охренел, мудака!

Голос у нее был резкий и грубый. Цыбина передернуло, как от удара под дых.

«Здравствуй, племя младое, незнакомое! Не-на-ви-жу!»

– А что? – Вторая рука парня прочно завладела ее коленом. – Леха тебя драл, а мне нельзя?

– Люди... смотрят. – Она уже глубоко задышала.

– Слышь, старый, ты бы покурил в другом месте, а то тут проблемы порешать надо. – Парень тяжело держался на ногах в прыгающем тамбуре.

Цыбин крепко сжал зубами сигарку. Кровь толчками била в висок. Он почувствовал, как поползла вверх, оскаливая зубы, верхняя губа и как

заволакивает глаза красная пелена.

– Ты че, мужик, глухой? Давай двигай, пока я те морду не развалил! – В полумраке пьяный парень не мог разглядеть цыбинского лица.

«Лейпясу».

Поезд остановился.

Оставалось восемь минут. Только восемь минут. Цыбин на секунду представил, как костяшка его правой руки проламывает височную кость ублюдка.

«Первое отступление от правил может...»

Он выдохнул воздух сквозь зубы и выскочил в соседний тамбур.

Пока электричка набирала ход, восстановился, успокоил бешеное биение сердца. Мимо неслась черная полоса леса. Он достал «трубу» и набрал номер.

– Здравствуйте, вы звоните в систему...

– Быть готовым через четыре минуты. Сигнал: слово «да».

Цыбин прилип к окну.

«Сейчас будет река. Вот она! Так... Теперь просека. Есть! Минуту просто лес. Затем переезд, и от него до карьера секунд сорок. Вот он!»

Кнопки телефона пели под пальцами.

– Да, – сказал он как можно спокойнее, словно курьер мог слышать его голос.

Пытаться рассмотреть, вылетел в темноту или нет красный рюкзачок, он, разумеется, не стал. Бросив в окошко отслуживший радиотелефон, вошел в вагон и, сев на скамью, достал из кармана газету. Минуты через две по проходу, внимательно разглядывая пассажиров, прошел «квадратный». Без рюкзака.

«Гаврилово».

Народу вышло немного. На платформе слабо горело несколько фонарей. Холодные дождевые струи хлестали по лицу и затекали за воротник. Электричка оставила его одного. В поселке было темно. Светилось всего несколько окон. Маячить на станции не хотелось, а ждать оставалось почти два часа. Цыбин прошел мимо неосвещенных, пахнущих сырой древесиной складов, перепрыгнул через канаву и, проломившись сквозь кусты, поднялся на лесную прогалину с единственным деревом посередине. Присев на корточки, спиной к стволу, он застегнул куртку до самого верха, закурил в кулак и, посмотрев на засыпающий внизу поселок, закрыл глаза.

...Густая белая метель бесшумно танцевала по заледенелому асфальту. Черное московское небо казалось тяжелым и гнетущим. Даже темная глыба «Олимпийского» казалась в сравнении с ним ничтожной. Они вынырнули из неонового зева «У ЛИСа» и, борясь с ветром, шли к автостоянке. Пусто. Тихо. Метель. Как скрипит под ногами снег... Двадцать шагов... Пятнадцать... Десять... Кто это кричит? Прекратить! Не поворачивайся! Я уже знаю, кто ты... Я не хотел! Я не знал!!!

Птица над головой орала как ненормальная. Несколько минут Цыбин, прижавшись щекой к влажной коре, осознавал, где находится. Вверху зашелестели ветви. Раздалось удаляющееся хлопанье крыльев. Он вытянул руку, подождал, когда пригоршня наполнится дождевой водой, и вытер лицо.

«Только этого не хватало», – подумал он. Эти воспоминания давно были загнаны в самый дальний уголок памяти. Им не было пути назад. Во всяком случае, пока.

«Много сбоев: парень на набережной, которого никак не вспомнить, странные настроения Анны, срыв в вагоне, а теперь еще это».

Цыбин размял мышцы и посмотрел на часы. Полпервого. До последней «выборгской» еще час. Но Анна уже могла справиться. Чавкая мокрыми кроссовками, он спустился к станции.

Анна стояла под нервно-дергающимся фонарем, опустив руки и наклонив голову в остроконечном капюшоне, видом своим напоминая призрак монаха из

средневековой пьесы. Остановившись за грудой шпал, Цыбин присел и прислушался. Мертвая тишина. Только шум дождя и скрип деревьев на ветру. Никого не видно. Сумка висела на левом плече. Вроде все нормально. Подождав еще минут десять, он спокойно вышел из укрытия и, закутив, поднялся на платформу.

– Извините, а еще поезда на Выборг будут?

– Один, последний. Присоединяйтесь, подождем. – Ее лисьи глаза смеялись.

Он подошел вплотную и тоже улыбнулся:

– Как дела, милая?

Она извлекла из сумки сверток, завернутый в целлофан.

– Я могла бы работать в милиции лучшей розыскной собакой.

Он поцеловал ее.

– Долго искала? Рюкзак сразу выбросила?

Она прижалась к нему:

– Не волнуйся, все в порядке.

Цыбин почувствовал, что ее бьет крупная дрожь, и услышал, как стучат зубы. Несмотря на дождевик, вода текла с нее ручьями. Он сунул руку во внутренний карман и достал плоскую металлическую фляжку:

– Глотни, согреешься.

Она отхлебнула с наслаждением:

– Уф-ф, обожаю коньяк.

Он подумал и тоже приложился. Теперь, пожалуй, уже можно.

– Цыбин, – Анна снова отняла у него флягу, – слушай, а тебя никогда не обманывали? Вдруг там «кукла»?

– Обманывали, – он хищно усмехнулся, – точнее, обманули, один раз.

– Ну и что?

– От могилы цели до могилы заказчика всего двадцать шагов. Я сделал это бесплатно.

– Больше никто?

– Больше никто.

– Ты чудовище.

– Я знаю.

– Поцелуй меня...

* * *

Электричка подошла минута в минуту, рыская глазницами фар и урча, как зверь. Вагон был абсолютно пустым. Неприятно ярко резал глаза свет ламп. Анна блаженно растянулась на скамейке, что-то мурлыкая себе под нос. Коньяк давал о себе знать. Цыбин чувствовал жгучее желание выпить горячего чая и снять набухшие от воды кроссовки.

Перрон в Выборге был безлюден. Из вагонов вышло не более пяти человек. Зеленые цифры на здании вокзала показывали 01.58. Стихнувший было дождь припустил с новой силой. На залитой мерцающими лужами площади зазывно-тепло светился павильон кафе бензозаправочной станции «Сфинкс». Цыбин неожиданно вспомнил, как «работал» по директору этой компании. Выстрелив через окно в сидящего в кресле мужчину, он совершенно не предполагал, что в

эту минуту его скрытая высоким подоконником пассия обслуживает на французский манер. Газеты писали, что она до сих пор заикается.

Сонная брюнетка с лошадиной челюстью после десятиминутной возни подала им кофе с молоком и чай без сахара, разогрев к этому пару булочек с сыром. Цыбин пригубил чай и невольно поморщился. Заправка была пуста. За пеленой дождя не проглядывалось ни одной машины.

– До утра будем сидеть? – капризно спросила Анна. Она все еще была слегка под шофе.

Цыбин улыбнулся, покачал головой и посмотрел на часы:

– Минут десять, не больше.

Подтверждая его слова, дождевые струи в дальнем конце площади заиграли в галогеновом свете. Двухэтажный туристический автобус, фыркая, как бегемот, развернулся у колонок и застыл. Несколько позевывающих мужчин ввалились в кафе и с облегчением закурили. Никто ничего не заказывал. Цыбин подхватил Анну за локоть и устремился к автобусу. Седой, похожий на скандинава водитель протирал тряпочкой боковое зеркало.

– Извините, – Цыбин изобразил мнущегося интеллигента, – нам очень нужно попасть в город, а такси нет. Вы не возьмете? Мы, конечно, заплатим.

Водила не торопясь убрал тряпочку под сиденье и окинул их внимательным взглядом.

– Сто пятьдесят. А «моторов» здесь в это время не бывает.

– Конечно, конечно...

В автобусе было темно, тепло и уютно. Анна мгновенно засопела, привалившись к его плечу. Цыбин некоторое время смотрел на косые штрихи дождя на стеклах, затем они начали извиваться и сплетаться в замысловатый клубок...

«...Густая белая метель бесшумно танцевала по заледенелому асфальту. Харканье выстрелов горной лавиной било по ушам. Надломившись на левый бок, человек медленно разворачивался в профиль... Как громко кричит женщина... Ты всегда будешь обо мне заботиться?.. Я же твой брат... Я же твой брат... Я же твой...»

Анна трясла его за отворот куртки.

– Ты так дышишь, словно тебе воздуха не хватает. Кошмар?

Он кивнул, овладевая собой. Хорошо, что они одни в самом хвосте автобуса. Уже Литейный проспект, многие проснулись. Обращать на себя внимание совершенно излишне.

Автобус остановился напротив «Октябрьской». Они выскользнули впереди всех и спрятались от дождя под козырьком входа на «Площадь Восстания». Анна тревожно заглядывала ему в лицо:

– Я сегодня была молодцом. Сделай мне одолжение: поедem ко мне.

Он молчал, раздумывая.

– Я... Я соскучилась уже...

Он обнял ее за талию:

– А мосты?

– Уже не разводят, мистер всезнающий...

В такси он курил и пытался рассортировать собственные мысли и ощущения. Жесткий контроль над собой не вызывал ранее никаких трудностей. Происходящее сегодня не имело объяснений, если только...

Двухкомнатная «хрущевка» Анны на проспекте Metallистов была, как всегда, безукоризненно чистой. Как ей удавалось, находясь постоянно «в бегах», поддерживать порядок, было непонятным. Захлопнув дверь, Анна прямо в

прихожей начала стаскивать с себя всю одежду. Вслед за дождевиком на пол полетели колготки и белье. Абсолютно голая, шлепая босиком по полу, она юркнула в ванну, откуда за шипением душа раздался стон наслаждения.

– Иди скорей сюда! Так здорово!

Цыбин сбросил куртку и кроссовки и прошел в спальню. Широкая кровать была расстелена. Он усмехнулся, вспомнив шутку о «рояле в кустах», и начал раздеваться.

Анна стояла под душем, медленно водя по телу руками. Он залез в ванну, обнял ее сзади и поцеловал в затылок. Вода была очень горячей. Он отстранился и прижался спиной к холодному кафелю. Шум душа походил на шум дождя. Веки стали совсем тяжелыми.

– Цы-ы-ы-бин! – протянула Анна, не открывая глаз. – Отнеси меня в койку.

Он не ответил. Она обернулась.

Он стоял прислонившись к стене, вытянувшись и закрыв глаза.

«Густая белая метель...»

* * *

В метро ему снова стало гнусно и тоскливо. На «Пионерской» серая, пылящая человеческая река выдавливалась через стеклянные двери и неслась под косыми дождевыми струями к уже и без того заполненным автобусным и трамвайным остановкам, по пути оmyвая цивилизованные торговые павильоны и неорганизованных бабушек с жалобными лицами, сжимавших в одной руке колбасу, а в другой средство от тараканов. На «пятнашку», занятую перед уходом из «Василисы» у неожиданно появившегося Ледогорова, Антон купил бутылку «Балтики», которую посасывал, стоя на тротуаре. Пиво тяжелыми комками падало в желудок. Слегка тошнило. Кружилась голова. Охватывала слабость.

«Надо было все-таки закусывать, – думал он, – и последний стакан, как всегда, был лишним».

В автобусе удалось пробраться к заднему стеклу. Прижавшись к нему лбом и ощущая спасительный холод, он считал остановки. Медленно и мучительно переваливаясь по выбоинам на асфальте, «Икарус» переползал от одной точки назначения к другой. Сзади немыслимо давили люди. Какой-то мужик в очках и зимней шапке постоянно бил по уху своим брезентовым рюкзаком. Чуть-чуть перекрываемые гулом двигателя,плыли голоса.

– Сорок минут сесть не могла...

– Пришлось сдать вполцены...

– Наши-то вчера опять, позорники...

В глазах стремительно темнело. Вязкая струя поднималась из желудка по пищеводу вверх. Дышать было уже практически нечем.

– Остановка «Голубой универсам»...

«Здорово, – подумал Антон, – скоро будут объявлять остановки: “Глубокая лужа” или “Пивной гадюшник”».

Терпеть он больше не мог.

– Осторожно, молодой человек!

Он оттолкнул ненавистный рюкзак, оттеснил даму в допотопном пальто, с трудом не задел примостившегося на ступеньках малыша в комбинезоне.

– Здесь же дети!

Двери закрылись за спиной. Его вывернуло сразу за остановкой. Солянкой и желчью. Потом еще раз.

– Гос-споди! Кругом свиньи!

– Тихо, Верочка! Услышит ведь. Идемте скорей.

Стало легче. Антон выпрямился. Ветер и дождь били в лицо. Чавкала грязь под ногами удаляющихся в темноту прохожих. До дома оставались две остановки. Он закурил и пошел по асфальту, старательно обходя лужи. Искры с папиросы, шипя, летели по ветру.

* * *

Паша уже давно спал. Закутавшись в белый пуховый платок, Оля сидела на кухне перед, как всегда, красиво сервированным столом. Она читала. На экране маленького телевизора без звука кривлялась, изображая девочку, пятидесятилетняя певица Анна Разина.

– Але, я уже дома, – негромко сказал Антон из коридора, – ребенка украдут, а ты не услышишь.

Оля, вздрогнув, подняла глаза:

– Господи, Антоша! Наконец-то! Я уже передергалась. Читать села, чтобы отвлечься. Тебя все нет и нет.

Она вскочила и подошла к нему. На секунду замялась, почувствовав запах перегара, затем обняла.

– Почему не позвонил? Работал?

– Ага, работал, – пьяно ухмыльнулся он.

– Кушать будешь? Все теплое. Я курочку...

– Не хочу. – Антон прошел в комнату и, бросив куртку на диван, плюхнулся в кресло, не снимая ботинок.

Оля быстро подобрала куртку и вынесла в прихожую.

– Может быть, чая выпьешь? Я пирог...

– Сказал: не хочу.

Она вошла и остановилась посреди комнаты.

– Случилось что-нибудь?

– Ничего. На работу мне звонила?

– Нет. Ты же запретил.

Он нагнулся расшнуровать ботинки и поморщился: голова была тяжелой, как гиря.

Оля присела рядом с креслом и погладила его по плечу:

– Антоша, давай я тебе помогу. Может, тебе ванну горячей водичкой наполнить? Ты устал...

Он сбросил ее руку.

– Хватит! Прекрати разговаривать со мной, как с расслабленным дебилом! Я уже давно не дебил! Слышишь?! Давно! Ты что, не видишь, что я пьяный, а не устал?! А что тогда сюсюкаешь, как с душевнобольным?!

Она стояла, прижав ручки к груди. Подбородок мелко подрагивал. Испуганные, широко раскрытые глаза мгновенно стали влажными.

– Антоша... Я же хотела... лучше... Я не думала... Тише, ты же Пашеньку разбудишь, пожалуйста...

Ему вдруг стало гадко. Гадко и стыдно. Стыдно обижать это трепетное дрожащее существо, готовое залиться детскими слезами. «Существо». Именно

так он охарактеризовал ее, увидев в первый раз на концерте в «Ватрушке» вместе с сестрой барабанщика Степки Емельянова. Она была младше его на шесть лет. Восторженность. Умильность. Белые бантики. Плюшевые зверюшки. Теплый, удобный дом. Добрый, уютный мир. Прошло пять лет. Она сумела остаться такой же.

– Прости. – Он обнял ее и поцеловал в мокрые глаза. Хмель неожиданно выветрился. – Ты права. Кое-что случилось. Я тебе потом расскажу, правда...

Она подняла голову и смахнула капельку слезы с кончика носа.

– Это страшно? Скажи мне сразу.

Он покачал головой.

– Это, наверное, хорошо. А сейчас подогрей мне курицу. И перца побольше.

* * *

Ночью он лежал и слушал, как шуршат дождевые капли по разложенной на балконе клеенке. Сна не было ни в одном глазу. Кутаясь от холода в пестрое сине-зеленое одеяло (белого белья он не переносил) и прижимаясь к теплой Олиной спине, Антон пытался считать баранов и бизонов, сердцем понимая, что боится спать, боится снов. Потому что еще ничего не кончено. Даже если он прав. Даже если Китаец скажет, что он прав. Дорогу осилит идущий. Он еще только решил выйти на дорогу. Дорогу вперед. Нет. Дорогу назад. К себе. К Оле. В свой «house of rising sun».

Дождь продолжал настукивать лучшую в мире колыбельную. Звуки капель становились все тише и тише, уносясь куда-то ввысь, где за толстой водяной решеткой тщетно билось огромное огненно-красное солнце.

* * *

Все белое-белое. От простыней...

* * *

Охранник был новым. Лицо у него было бугристым, блестящим от пота, испещренным крупными ядовито-красными прыщами. Форма тем не менее была гладко выглаженной. Бляха на груди – начищенной и блестящей.

– Вы не записаны, – снова сказал он.

Цыбин, стараясь не раздражаться, вздохнул и поправил выбившийся из-под рукава пиджака манжет рубашки.

– Я же говорю, попробуйте позвонить, я думаю, меня примут.

– А если его нет на месте?

– А вы сначала попробуйте.

Охранник помолчал секунду и наконец снял трубку местного телефона.

– Владлен Егорович, к вам здесь господин Цыбин. Он не записывался.

На том конце провода что-то ответили.

– Хорошо. Понял. Но... он ведь не записывался.

Даже Цыбин услышал резкое восклицание Ямпольского.

– Ясно. – Охранник некоторое время удивленно смотрел на замолчавшую трубку. Работа мысли отражалась на лице. – Проходите, вам на вто...

– Я знаю куда. Премного благодарен.

Ямпольский сидел в своем любимом кресле, вплотную придвинутом к низкому подоконнику, и умиротворенно созерцал залитую дождем улицу Достоевского. При появлении Цыбина он не встал, а лишь приветственно поднял руку.

– Простите, что сижу, молодой человек, но спина совсем замучила. Не поверите – даже работать не могу. Вон – весь стол бумагами завален. Садитесь, пожалуйста. Точнее, присаживайтесь.

Цыбин поставил портфель на стул, открыл его и извлек темную пузатую бутылку с потертой этикеткой.

– Может быть, мое лекарство, Владлен Егорович, вернет вас к жизни и спасет финансовые круги города от полного краха.

Старик протянул руку и, взяв бутылку, поднес ее к глазам:

– Бог мой! Настоящее «Перно». А год? Потрясающе! У вас есть знакомые в аристократических кругах Франции? Я ваш должник.

– Ну что вы, – Цыбин сел на антикварный стул с высокой спинкой, – вы и так очень много для меня сделали.

Ямпольский склонил аккуратно подстриженную седую голову набок и лукаво улыбнулся, на секунду снова став директором мясного магазина:

– Судя по вашему визиту, я могу сделать еще больше. Не так ли? – Он резко пододвинулся к столу, выпрямился и положил холеные руки на бордовое сукно. – Сколько?

– Столько же.

– Точка назначения?

– Та же.

– Процент?

– Прежний.

Ямпольский достал из шкатулки на столе дорогую толстую сигару и аккуратно отрезал кончик.

– Дело в том, молодой человек...

– Прежний. – Улыбка Цыбина оставалась такой же широкой.

Старик отвел глаза и занялся прикуриванием. Клубы сизого душистого дыма наполнили комнату.

– Из уважения к вашей покойной маме я готов даже нести рискованные убытки.

– Видимо, она заранее компенсировала вам их при жизни. – Цыбин достал из портфеля туго перевязанный бечевкой бумажный сверток: – Пересчитаете?

Ямпольский покачал головой.

– Приличные люди должны уважать друг друга и доверять друг другу. Уважение, доверие и нелюбопытство – вот три кита современной коммерции. Причем второе следует из третьего. Чем меньше знаешь о человеке, тем легче ему доверять. Меня не интересует, какими переводами вы зарабатываете такие деньги. Вас не волнует, как я бесследно и почти беспрошечно переправляю их за тысячи километров. Это располагает ко взаимному доверию.

Говоря это, он принял сверток из рук Цыбина и, мгновенно ощупав длинными сухими пальцами, положил в ящик стола.

– Позвольте дать вам один совет, молодой человек, опять-таки из безмерного уважения к вам и вашей маме.

Привставший было Цыбин снова сел. Вежливая улыбка не покидала его лица.

– Испания – крайне нестабильная страна. Хранить там денежные средства несколько легкомысленно. Тем более вы выбрали не курорты побережья с их возможностями перспективных вложений, а отсталые горы Каталонии и этот городок, которого нет на карте, а название мне даже не выговорить. С моей точки зрения – а вы знаете: я достаточно компетентен в этих вопросах, –

неоспоримо лучше представляются Германия, Англия и, естественно, Швейцария. Конечно, разместить деньги в Цюрихе или Лозанне непросто, но, если я замолвлю кое-где слово, правда, это потребует расходов, но вы же понимаете, что не это побуждает меня подсказать вам.

– Разумеется, – Цыбин кивнул. – Я крайне уважаю ваше мнение. Возможно, Испания – лишь первый этап. Я обязательно обдумаю ваши слова. И заверяю вас, все дальнейшие операции – только через вас. От добра добра не ищут. Уважение, доверие и нелюбопытность нынче в дефиците, – он еще шире улыбнулся. – И еще конфиденциальность. Правда?

– Только я, только я, – прижав руки к груди, закивал Ямпольский, – кругом ворье, бандиты. Кошмар.

Цыбин поднялся.

– Как всегда? Три дня?

– Максимум.

– Приятно с вами работать.

– Приятно с вами общаться.

Рука у старика была сухая, как куриная лапа, и цепкая, как зубы бульдога.

На улице ветер рвал из рук прохожих зонты. Временами казалось, что дождь хлещет горизонтально, параллельно земле. Старые дома стояли в подтеках, как полинявшее белье на веревке. Цыбин обернулся назад. Новенький двухэтажный особнячок «Ямпобанка» выглядел здесь, в рабочем районе, пиджачиком.

– Это мой банк! – усмехнулся он, вспомнив известную рекламу, и посмотрел на часы. Четверть третьего.

Он чувствовал себя не в форме. Организм не сумел восстановиться за те три часа, которые он спал. Прошедший остаток ночи и утро ассоциировались с запахом чистого женского тела, блаженно закрытыми глазами Анны, зажатым в

ее зубах краем простыни и... снегом, который начинал кружиться перед глазами каждый раз, когда он начинал засыпать. Находящаяся к утру в полубессознательном состоянии Анна, конечно, не подозревала, что его неумные сексуальные желания в эту ночь подогреты страхом остаться во сне один на один с заунывно-белой московской метелью. Она вообще не подозревала, что он способен испытывать страх. Он сам этого не подозревал, до этой ночи. Уснув, обессиленный, около восьми, он не видел снов.

На углу Достоевского и Свечного кто-то схватил его за локоть. Грязная женщина неопределенного возраста в синей нейлоновой куртке и спортивных штанах, вытянув шею, впиалась в него пустыми, водянистыми глазами душевнобольной:

– Неотмщенные души не находят приюта...

Он отшатнулся и, поскользнувшись на собачьем дерьме, едва не упал в грязь, служащую летом газоном. Сгрудившиеся на углу «синяки» загоготали.

– Души замученных животных вернутся в мир и покарают нас. Нельзя убивать бездомных животных.

Цыбин заметил, что она держит в руке шесть или семь поводков, а вокруг бегают, гадя на асфальт, стая грязных лишайных собак.

– Я убиваю только домашних! – Он со злостью вырвал руку и быстрым шагом двинулся в сторону улицы Марата.

Внутри нарастало глухое раздражение на самого себя, бредовые ассоциации, неконтролируемые воспоминания, лжеинтеллигентскую сопливость. Захотелось есть. Утром, прилетев к себе на Волковку, он еле успел переодеться и побриться. На другой стороне улицы висела вывеска «Пул-бар». Дождь усиливался. Машины походили на катера, плывущие по каналам.

Внутри вкусно пахло кофе и картофелем-фри. Два молодых завсегдатая ночных клубов, в дорогих пиджаках от «Армани», азартно гоняли за одним из столов шары. За стойкой девушка в белой блузке протирала бокалы. Негромко работал телевизор. Пусто. Сонно. Неторопливо.

Цыбин заказал эскалоп с картофелем, салат из крабов, чай и двойной коньяк. Потягивая густую ароматную жидкость из широкого бокала, он подумал, что виной всему – усталость и тяжелая, гнетущая осень. Он сделал после той зимней ночи все, что мог. Он уперся. Можно было и дальше искать этого утонченно-жестокоего иезуита, но месть – плохой советчик. Ее надо подавать холодной. Можно наделать много ошибок. А его ждала работа. В конце концов, Ярослав был сам виноват, что не поддерживал связи.

Салат был очень приличным, а мясо – жестковатым и недосоленным.

«Неотмщенные души не находят приюта». Он с усмешкой покачал головой.

Чай был превосходный. Цыбин уже отлично себя чувствовал.

– Лена! Сделай громче, – один из игроков оторвался от стола. – Это про убийство в моем доме.

«Как мы уже сообщали, – камера фиксировала набережную и знакомый дом, – в ночь с шестнадцатого на семнадцатое ноября в квартире восемь дома пятнадцать по набережной Фонтанки неизвестные преступники убили известного петербургского коллекционера Олега Петровича Каретникова и четверых его гостей, одним из которых был заместитель начальника департамента таможенной службы Латвии господин Герберт Озолс».

Крупным планом «цель» в парадном мундире. «Господин Озолс прибыл в Санкт-Петербург...» Цыбин закурил и откинулся на спинку стула. Важнейшее дело, намеченное на сегодня, было сделано. Теперь можно было отдохнуть. Даже нужно было. Он зевнул. Сначала неплохо бы выспаться.

«...комментирует начальник двадцать второго отдела УУР Сергей Сергеевич Матросов».

Цыбин вышел из-за столика и подошел к окну. Красный, блестящий под водяными струями трамвай застрял на повороте. Пассажиры вылезали из вагонов и брели по лужам к тротуару, закрываясь от мокрого ветра зонтиками и нервно переругиваясь с водителями попавших в «пробку» машин. Небо было блекло-серым, без единого просвета. От него веяло мутной тоской и безысходностью.

Он вдруг понял, что пора останавливаться. Денег было уже достаточно. Годы под дождем шли и шли. На солнце могло не остаться времени.

«... не следует путать трагический налет на квартиру коллекционера антиквариата с заказным убийством чиновника из Латвии. Специальной группой по раскрытию заказных убийств уже разрабатываются лица, возможно, причастные к...»

Цыбин улыбнулся: «В конце концов вовремя уйти – мудрость».

Машину пришлось ловить долго. Обрызганному с головы до ног грязью из-под колес, ему в итоге удалось остановить такси.

– Волковская набережная.

– Садитесь.

Щелканье счетчика убаюкивало. Капли воды маршировали по крыше. В глазах закружились разноцветные круги. Возникло ощущение полета.

...Густая белая метель медленно...

Он встряхнул головой:

– Где мы?

– На Лиговке.

– Развернитесь, пожалуйста. Мне нужно на Большеохтинское кладбище.

* * *

Он лежал в тишине пустой квартиры, нарушаемой только шумом дождя за окном. С ночи этот звук не изменился ни на йоту. Было в нем что-то всепоглощающее и бесконечно-постоянное. Казалось, что он никогда не

кончится.

Утром, когда Оля разбудила его на работу, Антон позвонил дежурному и попросил передать Вышегородскому, что берет предложенный вчера отгул. Сейчас было около одиннадцати. Оля, отведя Пашу в садик, уехала в университет. Она заканчивала филфак и сдавала какие-то переводы. На столе остался накрытый завтрак и маленькая записочка со словом «целую». Есть Антону не хотелось. Он медленно прожевал кусок пирога, запил молоком и пошел одеваться. Надев куртку, посмотрел на себя в зеркало, снял ее и, пройдя в ванную, тщательно побрился.

Ветер и дождь гнали людей бегом по тротуарам к автобусной остановке. Прямо за домом начинался пустырь. Это была граница города. Открытые пространства позволяли ветру делать, что он хочет. Несколько старушек, навьюченных пакетами и авоськами, отчаянно сопротивляясь ему, брели с осторожностью альпинистов по грязной тропинке, ведущей от универсама. Возле сваленных бетонных блоков копошились в луже мальчишки в школьной форме.

Антон ненавидел новостройки. Они всегда нагоняли на него тоску. Переехав сюда после свадьбы из своей комнаты, снимаемой им напротив Никольского собора, он долго не мог привыкнуть к тому, что до центра добираться больше часа, и путался в домах. Для него оставалось загадкой, как работают опера в новых районах, где по номеру дома трудно представить его внешне и все лестницы и квартиры типовые. Отказываться, конечно, от такого сказочного подарка (родители Оли забрали к себе бабушку, освободив жилплощадь) было глупо. Тем более что сам предложить что-нибудь своей юной жене он не мог.

В метро народу было только чуть-чуть меньше, чем в утренние и вечерние часы. Всем известно, что в питерском метро всегда час пик. Пахло сырой одеждой, и железом, и резиной. Антон доехал до «Горьковской», поднялся наверх и попробовал закурить. Отравленный накануне табаком и алкоголем организм активно воспротивился такому издевательству. Горький дым тошнотворным спазмом встал в горле. С трудом прокашлявшись, Антон поспешно бросил папиросу.

В Александровском парке трещали деревья. Ветер ожесточенно атаковал закутанных в полиэтиленовую пленку книжников. Вымокшие насквозь цветочки уже прятались в трубе подземного перехода.

Он перепрыгнул ограждение у трамвайных путей, пересек мостовую, пригибаясь под тяжестью дождя и ветра, дошел до Кронверкской, после чего повернул направо. Серый, архитектурно-изысканный дом стоял почти напротив красно-кирпичного здания бани. В городе было еще несколько таких же домов. Их называли «домами Бенуа». Один из них, на Каменноостровском проспекте, занимал одну из лидирующих в городе позиций по расселенным квартирам и проживающим в них особам VIP. На милицейском жаргоне такие дома называли «киллеросборниками». Войдя в охваченный искореженной чугунной оградой палисадник, Антон неожиданно увидел Маринку. Спрятавшись под аркой, она колдовала над мольбертом. Он перескочил через пузырящуюся лужу и ткнул ее пальцем в бок:

– Стоять! Милиция!

– Не щекочись! Я тебя давно заметила. – Маринка замотала кудрявой русой головой и засмеялась. На щеках у нее обозначились ямочки. – И вообще: не мешай.

– Брат дома? – Антон посмотрел на бумагу. Сплошное нагромождение серых и красно-розовых красок. – Твоя фамилия случайно не Пикассо?

– Отстань, невежа! – Она прижала к себе мольберт. – Иди, дома он.

Поднимаясь по некогда роскошной лестнице, Антон почему-то вспомнил картину, подаренную ему Кленовым на день рождения. Над уходящей за горизонт, бесконечной панорамой серых старых крыш в темно-синем низком небе висит оранжево-красное солнце, опоясанное тонкими железными цепями. Картина называлась «Потерявшие солнце».

– ...А кто? Кто здесь «потерявшие солнце»? – пьяно допытывался Антон, когда они, оставшись вдвоем и сбегав за добавкой, пили на кухне, пока Оля с Ирой, Ромкиной женой, носили из комнаты грязную посуду. – Людей же нет!

– П-правильно! – Кленов неверным движением вставлял в рот сигарету. – Они там... Под крышами... В собственном затхлом мирке. Их все устраивает. Они не в состоянии заставить себя совершать поступки. Их удел – тоска и непр... непр... не-при-ка-ян-ность. Понял?

– По...ял! Ты... ты – гений!

– Угу, только малоизвестный. Давай еще по пятьдесят...

Дверь открыла крупная тумбообразная женщина в засаленном фартуке с полотенцем в руках.

– Я к Виктору.

– Ну так к нему и звоните.

– Извините.

За десять лет Антон так и не запомнил кнопку звонка. Проходя через огромную прихожую, он, как всегда, пытался представить эту гигантскую квартиру до революции. Без сваленного по углам хлама, без удушливого запаха плохой еды, без грязи и тараканов.

Китаец слушал музыку. Он сидел в своем любимом кресле возле стойки с аппаратурой, закинув ноги в полинялых джинсах на журнальный столик. Глаза его были закрыты. Голова в наушниках слегка покачивалась, видимо, в такт музыке. Фамилия Китайца была Иванов. Он родился и вырос в Ленинграде и был абсолютно русским, равно как и его родители. Ему было около сорока. Хиппуя в начале восьмидесятых, он уехал посмотреть Байкал, откуда каким-то контрабандным путем попал в Монголию, а оттуда в Северный Китай, где нелегально прожил шесть лет в какой-то деревушке, изучая философию буддизма, китайский язык и кун-фу. Вернувшись в разгар строительства новой жизни, он написал несколько книжек о восточной религии и открыл секцию для детей. Взрослых он категорически не тренировал, исключая нескольких близких друзей. Впрочем, все это Антон знал по слухам. Они никогда не говорили с Китайцем о его прошлом. Может быть, он никогда не был в Китае. Для Антона это не имело никакого значения.

Он подошел и коснулся его плеча. Китаец открыл глаза и улыбнулся своей неизменно ровной улыбкой.

– Извини, что помешал.

– Мне сложно помешать. Я чувствовал, что ты придешь сегодня.

Он снял наушники и выключил систему.

– «Дыхание локомотива». Эта песня разворачивает мне легкие и пробуждает мозг. Почему ты не любишь «Джетро Талл»?

– Мне он кажется скучным.

– Но тебе же нравится «Аквариум», а по музыке они похожи. Особенно в начале.

– У Гребенщикова мне нравятся слова.

– Слова – лишь способ выражения сердца через мозг. Музыку воспринимают грудью, дыханием.

– Я предпочитаю осознавать ее головой.

– В этом твоя беда: ты пытаешься обдумать то, что сердце уже решило.

– Китаец, я встретил его вчера.

– И прошел мимо?

– Нет, пытался его взять, но опоздал.

Китаец встал и, подойдя к старому громадному буфету, достал банку «Нескафе»:

– Будешь?

Антон кивнул и улыбнулся:

– Я всегда думаю, что, как истинный китаец, ты должен пить чай и есть рис.

– Внешние формы не меняют сути. Я люблю пиво, соленые огурцы и копченую колбасу. Китай – он здесь. – Китаец постучал чайной ложечкой себе по лбу и достал чашки.

Антон пододвинул табуретку к круглому столу в углу. Комната была большой, светлой и чистой, с высоченными потолками. Пользуясь этим, Китаец смастерил из обожженных досок антресоль, где устроил себе спальню. Внизу была гостиная со старой, но добротной мебелью пятидесятих-шестидесятих годов, новеньким японским телевизором и стереосистемой. В дальнем углу находилась дверь в девятиметровую комнатенку – Маринкин будуар. Главной достопримечательностью жилья являлось огромное арочное окно во всю стену, с дверью, ведущей на гигантский балкон, образованный крышей массивного эркера. Сейчас под проливным дождем на нем мокли три плетеных стула, под одним из которых спряталась откуда-то проникшая рыжая кошка.

Китаец отпил кофе.

– Как голова?

– Вспышками, но тяжело.

– Мучают сны и воспоминания?

Антон поднял глаза.

– Откуда ты всегда все знаешь?

Китаец смотрел в окно, поверх затянутых дождевой пеленой крыш:

– Все знает только ОН. Я просто делаю выводы из того, что знаю, и прогнозирую, точнее, пытаюсь прогнозировать. Когда мы забрали тебя из больницы, твой мозг был доверху заполнен смесью страха, стыда и опустошенности. Причем страх и стыд были особого рода – их породило бессилие. Ничто не разрушает человека внутри так, как бессилие. Страх от нападения дикого зверя скоро пройдет, и ты можешь не испугаться, если это повторится. Но, если при тебе будут кого-нибудь мучить, лишив тебя возможности вмешаться, ты никогда этого не забудешь и будешь всегда испытывать ужас от одного осознания, что это может

произойти снова. Так же и со стыдом. Тебе всегда будет стыдно, что ты жив и ничего не изменил. Пусть это даже было невозможно, но убедить себя – всегда труднее, чем других. На войне говорят, что умереть не страшно – страшно выжить.

Он помолчал секунду, не отрывая взгляда от окна, затем повернулся к Антону и вновь улыбнулся:

– А сны? Сны – это дыхание души, отражение того, что изжито из памяти, но никогда не умрет в сердце.

Антон усмехнулся и покачал головой:

– Ничего не изжито, Китаец, ничего... А снится мне психушка. Она пугает меня гораздо больше.

Китаец помрачнел и перестал улыбаться:

– Для нормального человека сам факт пребывания в психбольнице страшен для осознания. Эти идиоты пичкали тебя всякой дрянью. Попытались стимулировать тебя антидепрессантами. Они не поняли, что тебе нужен не психиатр, а психолог. Ты просто перешел из стресса в стресс, когда, подлечив рану и стремясь к реваншу, понял, что его у тебя украли. Я имею в виду, что дело... Ну как там у вас правильно...

– Прекратили. Я понял, – Антон кивнул. Кофе у него остыл. Хотелось закурить, но он еще побаивался.

Некоторое время оба молчали, глядя на мечущиеся по балкону брызги.

– Я хочу найти его, Китаец. – Антон встал и, подойдя к окну, приложил ладони к холодному стеклу. – Реванш состоится или я снова окажусь ТАМ.

– Я надеялся, что рано или поздно ты придешь к этой мысли. Послестрессовая апатия у тебя затянулась.

– Я просто пытался отрезать от своей жизни кусок. И, знаешь, иногда мне казалось, что это удастся.

Антон отворил балконную дверь. Ветер и дождь ворвались в комнату. Жалобно зазвенел посудой буфет. Заметались по воздуху листы бумаги с письменного стола. Китаец улыбался:

– Он нужен тебе живым. Ты должен заглянуть ему в глаза. Услышать его голос.

Антон шагнул под водяные струи и повернулся к нему лицом.

– Во мне давно нет ненависти, только злость. Ледяная злость. – Он запрокинул лицо к небу, непрерывно сыпавшему дождем. – Я его возьму.

Китаец прислонился к косяку балконной двери. Он продолжал улыбаться:

– Главное, чтобы ОН не внес коррективы.

Антон непонимающе оторвался от небес:

– Кто?

Китаец кивнул вверх.

– Бог или Будда?

– Бог, Будда, Аллах, судьба, космос, жизнь. Не имеет значения, как называть. ОН всегда способен изменить все по собственному разумению. И не всегда оно сходится с нашим...

Дверь в комнату распахнулась. Похожая на мокрую львицу Маринка удивленно потрянула шевелюрой и сделала круглые глаза.

– Вы что, спятили? Немедленно закройте балкон. Здесь же сейчас потоп начнется!

* * *

Над мокрыми, залитыми дождем аллеями висела тишина. Казалось, даже шум водяных капель не слышен. Пасмурность дня усугубляла уже наступившие сумерки. Было пустынно и безлюдно.

Обходя лужи в поисках знакомой дорожки, Цыбин размышлял о том, применим ли к данной тишине эпитет «мертвая». Он любил кладбища и чувствовал определенное душевное равновесие. Считая смерть закономерным итогом любой человеческой жизни, он не видел в кладбищах ничего давящего и пугающего. Просто дом человека, к которому ты идешь. Просто дома его соседей. Город. Вечный город.

Палисадник представлял собой одну сплошную лужу. Вода размыла собранную и не вынесенную им в прошлый раз кучу гнилых листьев, размазав их по всему, чему можно. Три креста из черного гранита походили на верхушку затопленной наводнением церкви. Прыгая на носках насквозь промокших туфель, Цыбин добрался до фанерных столика и скамеечки, стоящих посередине. Сев на стол и поставив ноги на скамейку, он достал из-под плаща маленький букетик незабудок. Могила Ярослава была прямо перед ним. Портрет неудачный. Он давно хотел его заменить. Лицо неприятно-заносчивое, даже злое. Глаза сужены, губы презрительно изогнуты. Ему всегда становилось не по себе, когда он наталкивался на этот взгляд. Хотя это было самое большое, что мог сделать Ярослав после всего, что... Цыбин достал портсигар и закурил.

«Неотмщенные души не находят приюта». Может, в этом все дело? Может, поэтому московская метель неотступно кружится у него перед глазами? Шесть лет прошло. Это как бумеранг. Рано или поздно возвращается.

Он положил последний букетик. Цигарка догорела, и он достал новую. Неожиданно пришло ощущение усталости, как двумя часами раньше в баре, когда он понял, что надо ставить точку. Он вдруг понял, что никогда не говорил ни с кем о Ярославе. Даже с Анной, даже с... Он устал носить все в себе. Надо сбросить все и уезжать. Надо...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/esaulov_maksim/poteryavshie-solnce

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)